

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 7 filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Иосиф Флавий Иудейские древности.

Книга седьмая.

Глава первая.

1. Эта битва[1] произошла в тот же самый день, в который Давид вернулся в Секелу после своей победы над амале-китянами. На третий день после этого явился к Давиду с разорванной одеждой и посыпанной пеплом головой тот бежавший из битвы с филистимлянами амалекитянин, который убил царя Саула. Бросившись перед Давидом наземь, он на вопрос, откуда он прибыл в таком виде, ответил, что спасся бегством из боя израильтян, причем сообщил о несчастном исходе сражения, в котором было перебито много десятков тысяч евреев и в котором пал их царь Саул со своими сыновьями. Сам он был свидетелем отступления евреев и находился во время его бегства вблизи царя, которого он лично и убил по его просьбе, когда тому угрожала опасность попасть в руки врагов: хотя царь бросился на меч свой, он, вследствие чрезмерного количества полученных ран, все-таки не имел сил сам покончить с собой. При этих словах амалекитянин показал Давиду для подтверждения факта смерти Саула золотое запястье царя и его корону, которые он снял с него, чтобы принести их Давиду. Последнему не приходилось более сомневаться в верности полученного известия, так как он имел перед глазами ясные доказательства смерти Саула; поэтому и он разорвал свою одежду и оплакивал целый день вместе со своими товарищами кончину царя. Особенно огорчала его смерть сына Сау-лова, Ионафа, который был его вернейшим другом и спас ему жизнь. При этом случае Давид опять выказал необычайную порядочность и преданность Саулу: несмотря на то, что он лично неоднократно подвергался со стороны последнего опасности [лишиться] жизни, он не только был удручен его смертью, но и решил достойным образом наказать убийцу. Так как этот сам признался в убийстве царя и стал таким образом собственным своим язобличителем, да еще при этом оказался амалекитянином, то Давид приказал казнить его. Затем он написал на кончину Саула и Ионафа элегии и хвалебные похоронные песни, которые сохранились до моего времени[2].

2. Почтив таким образом память царя, Давид, по истечении срока траура, обратился при посредстве пророка к Господу Богу с запросом: в каком городе колена Иудова ему следует поселиться. Получив указание на Хеврон, он покинул Секелу и переселился в назначенный город вместе с обеими женами своими и товарищами по оружию. Затем собрались все представители колена Иудова и провозгласили Давида царем. Когда же он узнал, что жители галаадского города Иависса предали земле тела Саула и его сыновей, он послал к ним посольство с выражением признательности за это их доброе дело и с обещанием вознаградить их за хорошее отношение к покойным. Вместе с тем он обьявил им также о своем избрании в цари в колена Иудовом.

3. Когда же главный военачальник Саула, Авеннир, сын Нира, человек предприимчивый и храбрый, узнал о смерти царя, Ионафа и двух других царских сыновей, то бросился в укрепленный стан Саула, схватил оставшегося там царевича Иевосфа, переправил его на другую сторону Иордана и провозгласил его царем над всем еврейским народом, за исключением колена Иудова. Резиденцией его он назначил местность, носящую по-еврейски имя Маналис, а по-гречески "укрепленный лагерь"[3]. Отсюда Авеннир двинулся затем с отборным войском в пределы области колена Иудова, потому что он негодовал на это колено за избрание Давида. Ему навстречу выступил по поручению Давида племянник его Иоав, сын сестры его Саруии и Сурия, в качестве главного военачальника, и с ним его братья Авессей[4] и Асаил со всеми войсками Давида. Прибыв к одной цистерне вблизи города Гаваона, Иоав стал готовиться к битве. Когда же Авеннир предложил ему испытать, чьи солдаты храбрее, то Иоав принял вызов и с обеих сторон было решено выставить по двенадцати борцов. После этого, когда выступили на арену избранные обоими полководцами борцы, они начали с того, что бросили друг в друга копья, извлекли затем мечи и, схватившись друг с другом, стали поражать противников мечами в бок и распарывать друг другу животы, пока не пали все до единого, как будто сговорились покончить таким образом. Только они пали, остальные войска бросились друг на друга и произошла ожесточенная битва, окончившаяся поражением людей Авеннира. Иоав не упустил случая пуститься в погоню за обратившимися в бегство врагами, сам принял в этом преследовании самое деятельное участие и велел своим воинам непосредственно следовать за ним и, не щадя неприятелей, перебить всех их. Также и братья его сражались с отчаянной храбростью, особенно же среди прочих выделялся младший, Асаил, пользовавшийся громкой славой за быстроту бега (он, как говорят, превосходил в этом отношении не только людей, но и мог состязаться в быстроте бега с лошадей). С поразительной быстротой гнался он за Авенниром,

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
не уклоняясь ни на шаг в сторону. Когда же Авеннир обернулся с намерением остановить его преследование и для этого сначала стал уговаривать его отступить от этой погони и отнять оружие у какого-нибудь простого воина, а затем, когда Асаил не согласился на это, стал удерживать его, угрожая смертью и выставляя на вид, что в таком случае ему уже нечего будет ждать пощады от его брата [Иоава], Асаил все-таки не внял этим доводам и продолжал гнаться за Авенниром. Тогда последний на бегу обернулся и ударил его так метко копьем, что Асаил тотчас же пал мертвый. Когда спутники Асаила в своей погоне за Авенниром добежали до того места, где пал Асаил, то они окружили труп и уже более не преследовали врагов. Между тем сам Иоав и его брат Авессей промчались мимо этого места и еще более расшумели на Авеннира за то, что тот явился виновником смерти их брата. Они неслись за Авенниром с неимоверной быстротой и яростью и наконец уже при закате солнца достигли местности, носящей название Амматы[5]. Тут они взобрались на высокий холм, находящийся в этой части владений колена Веньяминова, и остановились, чтобы осмотреть силы Авеннира. Последний стал громко кричать, что единоплеменникам не следует разжигать друг друга к борьбе и бою, и указал, что брат его Асаил сам виноват в своей смерти, так как не внял его совету прекратить преследование. Иоав согласился с этими доводами Авеннира, признал их правильными, начал потому сзывать своих воинов трубным сигналом и приостановил дальнейшую их погоню за врагами. Сам он затем расположился в этом месте лагерем на ночь; Авеннир же в течение всей ночи продолжал путь свой, переправился через Иордан и прибыл в "стан" к Иевосфу[6], сыну Саула. На следующий день Иоав сосчитал убитых и продал их земле. Оказалось, что из числа воинов Авеннира пало триста шестьдесят, из числа же войск Давида девятнадцать, кроме Асаила, тело которого Иоав и Авессей повезли оттуда в Вифлеем и похоронили в могиле своих предков. Сами же они затем вернулись к Давиду в Хеврон. Таким образом с этих пор началась среди евреев междоусобная распря, и продолжалась она долго. При этом приверженцы Давида приобретали все больше и больше власти, и счастье все более улыбалось им, тогда как положение сына Саулова и его приверженцев делалось чуть ли не изо дня в день все более и более шатким.

4. В это время у Давида было уже шесть сыновей от такого же числа жен. Из них старшим от Ахины был Аммон, второй - Даниил от Авигеи; третий, родившийся от дочери гессирского царя Фоломея, Махамы, носил имя Авессалома; четвертого, от жены своей Ангифы, Давид назвал Адонием, пятого Сафатием (он был сыном Авитаалы), а шестого, от Эглы, назвал Гефраамом. В продолжение междоусобной войны, когда военные силы обоих царей часто сталкивались друг с другом, Авенниру, главному военачальнику у сына Саулова, благодаря своей пронзительности и популярности в глазах народа, удавалось склонить симпатии всех на сторону Иевосфа, и народ был долгое время очень предан Иевосфу. Затем, однако, Авеннир навлек на себя неудовольствие и порицание Иевосфа за то, что он, Авеннир, сошелся с Сауловой наложницей, Ресфой, дочерью Сивафа, и так как его очень печалило и даже рассердило то обстоятельство, что к нему относится недоброжелательно человек, всем ему обязанный, Авеннир стал угрожать Иевосфу, что он предоставит царскую власть Давиду, тем более что Иевосф правит страной за Иорданом благодаря не собственной силе и уму, а только благодаря его, Авеннира, командованию и верности. Поэтому он послал в Хеврон к Давиду послов с просьбой дать ему клятвенное обещание в том, что он, Давид, примет его как товарища и друга, если ему, Авенниру, удастся убедить народ отказаться от сына Саулова и провозгласить Давида царем всей страны. Давид, которому предложенные Авенниром условия очень понравились, согласился и просил в знак заключенного договора вернуть ему его жену Михалу, которую он купил себе некогда ценой больших опасностей, именно ценой представленных Саулу голов шестисот убитых филистимлян. Авеннир действительно послал Давиду Михалу, отняв ее у Фелтия, который тогда жил с нею. При этом сам Иевосф оказал поддержку Давиду, потому что последний писал Иевосфу, что считает себя вправе потребовать назад жену свою.

Затем Авеннир созвал старейшин народных, военачальников и тысяцких и обратился к ним с речью, в которой выставил на вид, что, хотя они уже давно выражали готовность отступить от Иевосфа в пользу Давида и он сам их всегда удерживал от этого шага, теперь он готов согласиться предоставить им право совершенно свободного выбора, потому что ему известно, что, когда Господь Бог через посредство пророка Самуила назначил Давида в цари над всеми евреями, Предвечный же предсказал, что именно Давид отомстит филистимлянам и совершенно подчинит их себе. Лишь только старейшины и вожди услышали, что на сторону того мнения, которого они сами раньше держались относительно положения вещей, теперь склоняется и Авеннир, то тотчас же решили примкнуть к партии Давида. Склонив их таким образом к этому, Авеннир собрал колена

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 7 filosoff.org
Веньяминово, из представителей которого были набраны все телохранители Иевосфа, и обратился к собравшимся с такой же речью. Когда он и их нашел совершенно согласными с его собственными взглядами и готовыми пойти за ним по первому его желанию, то он с двадцатью товарищами отправился к Давиду для заключения с ним клятвенного договора (ведь все то, что мы делаем лично, вернее того, что поручено к исполнению другим), а также для того, чтобы сообщить ему, как и что он говорил с военачальниками и всеми членами колена [Веньяминова]. Давид принял его очень дружелюбно и в продолжение целого ряда дней угощал роскошно и обильно. Затем Авеннир при расставании просил его привести к нему свое войско и в присутствии всех передать ему командование им.

5. Немного спустя, после того как Давид отпустил Авеннира, в Хеврон прибыл главнокомандующий Давида, Иоав, и, узнав, что здесь только что был Авеннир и заключил клятвенный с Давидом договор относительно командования войсками, испугался, как бы его собственное положение не пошатнулось и у него не отняли бы его власти главнокомандующего; ведь Авенниру легко будет занять первое и самое влиятельное место при том, кому он, благодаря своей проницательности и ловкости, помог добиться царской власти. Поэтому Иоав решил прибегнуть к интригам. Для начала он старался оклеветать его в глазах царя, советуя последнему остерегаться Авеннира и не рассчитывать на обещания последнего, потому что тот на самом деле старается лишь о том, чтобы упрочить власть за сыном Саула, и теперь явился к нему исключительно с коварным расчетом обмануть его и, подготовив все для исполнения своего плана, оставить его в надежде на полный успех. Когда же ему не удалось убедить Давида и он увидел, что слова его не производят на царя ни малейшего впечатления, Иоав решился пойти другой, уже гораздо более смелой дорогой, а именно просто убить Авеннира. Ввиду этого он послал вдогонку за Авенниром людей своих, дав им от имени Давида приказ пригласить Авеннира вернуться назад под предлогом сообщения ему одной важной вещи, которую тот якобы забыл сказать ему при свидании. Когда Авеннир узнал о требовании посланцев, которые нагнали его в местности, носящей название Висирь и находящейся в расстоянии двадцати стадий от Хеврона, то он, не предвидя никакой опасности, повернул назад. Вблизи городских ворот навстречу ему вышел Иоав и приветствовал его крайне дружелюбно и ласково (ведь часто случается, что злоумышленники удачно притворяются доброжелателями по отношению к тем, против которых задумывают злодеяния). Затем Иоав отвел Авеннира подальше в сторону от ворот и от его людей, как бы собираясь сообщить ему нечто секретное, так что тут находился, кроме их обоих, еще брат Иоава, Авессей, извлек меч и поразил им Авеннира в живот. Таким образом Авеннир пал, коварно завлеченный Иоавом в засаду, по словам Иоава, как жертва мести за брата Асаила, которого Авеннир убил во время преследования после битвы при Хевроне, а на самом деле потому, что Иоав боялся, как бы Авеннир, заняв при Давиде первенствующее положение, не лишил его лично командования всеми войсками и почетной при царе должности. На этом примере видно, до чего доходят и на что иногда решаются люди ради властолюбия и нежелания уступить своей власти никому другому. Стремясь к достижению намеченной цели, они не останавливаются и перед тысячью гнусностей и, боясь утратить занятую позицию, стараются еще худшими средствами укрепиться на ней, так что считают меньшим для себя уроном совершенно не добиться цели – высшей власти, чем, раз воспользовавшись ею, затем потерять ее. Но гораздо хуже, что ввиду сказанного такие люди прибегают к еще более гнусным интригам и отчаянным средствам исключительно под влиянием опасения потерять раз занятое положение. Однако сказанного здесь вкратце об этом явлении вполне достаточно.

6. Когда Давид узнал об убиении Авеннира, он искренне опечалился и, воздев правую руку к небу, громким голосом поклялся перед всеми, что он не виновен в умерщвлении Авеннира, который пал не по его приказанию или желанию. При этом Давид изрек страшные проклятия на убийцу и грозил привлечь весь дом убийцы и его товарищей и соучастников к ответу за убитого, потому что царю хотелось доказать свою невинность в деле нарушения той клятвы, которую он недавно дал Авенниру в том, что будет его верным другом. Ввиду этого Давид предписал всему народу траур по убитому, [приказал] почтить его, разорвав одежды и облачив себя в мешки. Этим способом народ должен был почтить убитого во время похорон, открывая процессию. Сам же царь следовал со старейшинами и начальствующими лицами за гробом, ударяя себя с плачем в грудь и тем показывая, как он любил покойного при жизни и как он опечален его смертью, которая совершилась, конечно, без его ведома и помимо его желания. Торжественно похоронив Авеннира в Хевроне и сочинив на его смерть элегические гимны, царь первый стал у его могилы и начал свою похоронную песню, чем дал знак всем остальным последовать его примеру. И такое горе причинила Давиду смерть Авеннира, что он, несмотря на просьбы друзей своих,

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
не только отказался от пищи, но и поклялся до заката солнца не прикасаться ни к чему. Поведение Давида сразу расположило к нему народную массу, потому что те, которые любили Авеннира, с удовольствием видели, какую честь царь воздает покойному и как он остается верен ему, удостаивая его, как близкого родственника и друга, пышных похорон, а не предавая его земле кое-как и на скорую руку, чем бы он доказал лишь свое неприязненное отношение к убитому. Остальная же масса народа радовалась мягкому и доброму сердцу Давида, потому что всякий, видя отношение царя к смерти Авеннира, мог рассчитывать на то, что он удостоился бы сам такого же любвеобильного отношения, если бы был в подобном положении, как Авеннир. Таким образом Давид снискал себе всеобщее расположение и совершенно избавил себя от всякого подозрения относительно участия в убиении Авеннира. Вместе с тем он выяснил народу, какую печаль причиняет ему кончина столь славного мужа и сколь велика потеря евреев, лишившихся теперь человека, который был бы во время военных действий в состоянии поддержать и спасти их своими отличными советами и своей необычайной физической силой. "Но,- сказал царь,- Господь Бог, заботящийся обо всем, не оставит его смерти без возмездия. Вам, конечно, известно, что я не в состоянии ничего предпринять против сыновей Саруии, Иоава и Авессея, которые могущественнее меня. Но Предвечный воздаст им должное за их дерзкое преступление".
Таким образом покончил жизнь свою Авеннир[7].

Глава вторая

1 Когда сын Саулов, Иевосф, узнал о смерти Авениира, он страшно опечалился, потеряв столь близкого родственника и человека, доставившего ему царский престол, и не знал пределов скорби и плача. Впрочем, ему самому не было суждено намного пережить его, потому что он пал жертвой коварства сыновей Иереммона, Ванасфа и Фанна. Происходя из родовитой семьи, принадлежавшей к колону Веньяминову, и рассчитывая за убийство Иевосфа получить от Давида значительную награду в виде назначения на места полководцев или на какую-нибудь другую ответственную и важную должность, эти юноши, найдя однажды Иевосфа погруженным в послеобеденный сон и одного, так как стража удалась, а привратница, утомленная своей обязанностью и сильной жарой, впала в сон, пробрались в спальню сына Саулова и убили его. Затем они отрубили ему голову и пустились в путь, спасаясь в продолжение целых суток от ожидавшего их наказания, к тому, от которого рассчитывали получить благодарность и где думали найти безопасное убежище. Прибыв в Хеврон, они показали Давиду голову Иевосфа и стали хвалиться тем, как они преданы Давиду и как умертвили врага и соперника его. Однако Давид отнесся к этому делу совершенно не так, как они надеялись, и сказал: "Злодеи, вас скоро постигнет наказание! Разве вы не знаете, как я отплатил убийце Саула, принесшему мне золотую его корону, хотя он этим убийством оказал услугу самому Саулу, не пожелавшему попасть в руки врагов? Или, быть может, вы подумали, что я изменился, уже не тот, что прежде, и буду благодарен и признателен злодеям и цареубийцам, которые дерзнули убить в его собственной спальне человека достойного и никому никогда не причинившего зла, но относившегося к вам с особенным расположением и оказывавшего вам всевозможный почет? Поэтому вы подвергнетесь заслуженному наказанию не только ради него, но и за то, что могли рассчитывать, будто я буду доволен умерщвлением Иевосфа. Вы не могли совершить большего осквернения моего доброго имени, как именно таким предположением" После этого Давид велел их пытать всевозможными пытками до смерти, а голову Иевосфа он похоронил со всеми подобающими почестями в могиле Авеннира.

2. После того как эти юноши умерли таким образом, все начальствующие над еврейским народом лица, военачальники и тысяцкие, явились к Давиду в Хеврон и предоставили себя в распоряжение царя, напомнив о своей ему преданности еще при жизни Саула и указав на то, как они почитали его, когда он достиг звания хилиарха[8]. При этом они подчеркнули свою всегдашнюю ему преданность, потому что как Давид, так и сыновья его были рукоположены по повелению Предвечного через пророка Самуила в цари и потому что Господь Бог даровал Давиду после войн с филистимлянами спасти от гибели всю страну еврейскую. Царь с удовольствием принял эти выражения их верноподданнической любви к нему, просил их не изменять своего на этот счет взгляда (им не придется в этом раскаиваться) и, угостив их блестящим пиром, отпустил с тем, чтобы они привели к нему весь народ. И действительно, вскоре из колена Иудова пришло 6800 тяжелооруженных щитами и копьями (они раньше оставались верными сыну Саула и не примкнули к прочим представителям колена Иудова, которые во всей своей совокупности уже признали Давида царем); из колена Симеонова пришло 7000 человек, из Левина - 4700 с Иодамом во главе. К ним примкнул также первосвященник Цадок с двадцатью двумя родственными вождями. Из колена Веньяминова явилось лишь 4000 воинов, потому что колена

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
это еще колебалось в своем решении окончательно примкнуть к Давиду, ожидая, что царем выступит кто-либо из родни Саула; из колена Ефремова – 20 800 самых храбрых и сильных людей; из колена Иссахарова – 200 предсказателей будущего и 20000 тяжеловооруженных воинов; из половины колена Манассиева – 18 000 отборных ратников, а из Завулонова – 50 000 отличных солдат, потому что одно это колено перешло на сторону Давида во всей своей совокупности. Все эти воины были так же вооружены, как и представители колена Гадова. Из колена Неффалимова явилась тысяча выдающихся и пользовавшихся почетом предводителей, вооруженных щитами и дротиками. За ними шло все бесчисленное число членов колена. Из колена Данова прибыло 27 600 отборных воинов, из Асирова – 40 000, а из тех двух колен, которые занимали местность по другую сторону Иордана, равно как из остальной части колена Манассиева, – 120000 людей, оружие которых составляли щит, копье, шлем и меч. Представители прочих колен имели также мечи.
Итак, вся эта масса войска явилась с огромными запасами хлеба, вина и прочих съестных припасов к Давиду в Хеврон и единогласно провозгласила Давида царем. После трехдневного пира и всенародного угощения в Хевроне, Давид выступил со всеми этими войсками оттуда в Иерусалим[9].

Глава третья

1. Так как иевуситы, народ хананейского племени, населявшие тогда этот город, заперли перед Давидом ворота и поместили на стенах всех своих слепых, хромых и увечных в насмешку над Давидом, говоря, что эти увечные люди сумеют воспрепятствовать ему войти в город (в этом своем поступке ими руководила уверенность в укрепленности стен), то Давид рассвирепел и приступил к осаде Иерусалима. При этом он приложил все свое старание и усердие, чтобы быстрым завоеванием города показать свое могущество и навести страх и ужас на всех тех, кто бы вздумал отнестись к нему таким же [наглым] образом, как то сделали иевуситы. И действительно, ему удалось с большими усилиями быстро занять нижний город. Но так как крепость города не сдавалась, то царь, чтобы возбудить в своих воинах больше храбрости, решил прибегнуть к обещанию почетной награды тому, кто бы взобрался по крутой стене обрыва первым на вершину утеса и занял бы крепость, а именно он обещал такому герою предоставить командование над всем войском. Все немедленно стали стараться влезть на утес и уже не щадили сил своих в этом деле, потому что каждому хотелось сделатья главнокомандующим. Однако Иоав, сын Саруйи, предупредил всех прочих, первый взобрался на утес и крикнул оттуда царю, что требует себе обещанной награды.

2. Затем Давид изгнал гарнизон неприятелей из крепости, отстроив город Иерусалим, который назвал градом Давидовым, поселился в нем и провел там все остальное время своего царствования. Период времени, в течение которого он в Хевроне правил одним коленом Иудовым, обнимал семь лет и шесть месяцев. После того как Давид сделал своей резиденцией Иерусалим, дела его пошли с каждым днем все лучше и лучше, потому что Господь Бог заботился о росте и увеличении могущества города. В это же время к Давиду прибыло и посольство от тирского царя Ирама[10], который заключил с ним дружественный оборонительный договор. Вместе с тем Ирам прислал Давиду в подарок много брусьев кедровых и отрядил искусных архитекторов и строителей, которые должны были воздвигнуть в Иерусалиме царский дворец.

Когда Давид занял Верхний город, то соединил его с Нижним и сделал из них таким образом одно целое, которое было окружено единой общей стеной и поручено охране Иоава.

Итак, Давид, изгнав из Иерусалима иевуситов, первый назвал этот город по своему имени, потому что при праотце нашем Авраме он носил имя Солимы[11]. Ввиду этого, по заявлению некоторых, и Гомер называл город Солимою; он называет святилище солимою, что на еврейском языке означает "спокойствие". С того времени, как военачальник Иисус пошел войной на хананейян и, одержав над ними победу, разделил владения их между евреями, причем израильтянам все-таки не удалось изгнать хананейян из Иерусалима, до окончательного покорения их Давидом прошло пятьсот пятнадцать лет.

3. Здесь мне приходится упомянуть еще о богатом иевуситянине Оронне, который был пощажен Давидом во время осады Иерусалима за расположение его к евреям и за оказанные им царю услуги, о которых я расскажу несколько ниже. Кроме уже бывших у него жен, Давид взял себе еще несколько других, а также наложниц. Таким образом он стал отцом еще других одиннадцати сыновей, которых назвал именами: Амнуса, Емнуса, Евана, Нафана, Соломона, Иевара, Елиина, Фалка, Иннара, Иеная, Елифала, – и одной дочери, Фамары. Из этих сыновей девять было рождено от законных матерей, двое же последних от наложниц. Фамара была единоутробной сестрой Авессалома[12].

Глава четвертая

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org

1. Когда филистимляне узнали, что Давид провозглашен царем еврейским, они пошли против него войной на Иерусалим и, заняв так называемую долину исполинов[13] (местность эта находится недалеко от города), расположились там лагерем. Тогда царь иудейский, который ничего не предпринимал без вопрошения и помимо приказа Господа Бога и всегда старался о получении положительного исхода предприятия предсказания, предложил первосвященнику сообщить ему о воле Предвечного по этому делу и об исходе предстоящей битвы. Когда ответ получился положительный, т. е. предсказывалась полная победа, тогда Давид повел свое войско на филистимлян, напал на них во время боя неожиданно с тылу и часть их перебил, а другую обратил в бегство. Впрочем, пусть никто не подумает, что филистимляне повели на евреев незначительные военные силы, равным образом как не следует укорять их, на основании быстроты их поражения и того, что они не совершили ни одного в этом случае выдающегося и достойного замечания подвига, в том, будто бы они были трусливы или робки; напротив, должно принять во внимание, что вместе с ними выступали в поход и участвовали в битве все сирийцы и финикийцы и, кроме этих, также много других воинственных племен. Последнее-то обстоятельство и было причиной того, что филистимляне, несмотря на свои неоднократные поражения и потери стольких десятков тысяч воинов, все-таки были в состоянии идти на евреев со все более и более значительными военными силами. Поэтому-то, несмотря на полное свое поражение в этом походе, они вскоре затем напали на Давида с утроенным количеством войска и расположились лагерем в той же самой местности. Когда же израильский царь снова спросил Господа Бога об исходе сражения, то первосвященник сообщил ему о совете Предвечного стянуть силы в так называемом "лесу печали", находившемся недалеко от вражеского стана, и не выступать оттуда на бой раньше, чем при полном отсутствии ветра не зашумит лес. Когда же раздался шум леса и таким образом наступил определенный Господом Богом момент, Давид немедленно вышел оттуда, не сомневаясь более в уготованной ему Предвечным верной победе. И действительно, полчища врагов не выдержали этого натиска и после первого же нападения обратились в бегство, так что Давиду пришлось только преследовать и рубить их. Таким образом он гнался за ними до города Газара[14] (который представляет пограничный пункт), а затем принялся разорять их лагерь, где нашел значительные богатства, и уничтожать изображения их божеств.

2. Ввиду такого благополучного результата сражения, Давид, посоветовавшись со старейшинами, военачальниками и тысяцкими, решил созвать к себе молодежь всей страны, а также священнослужителей и левитов и, отправившись со всеми ими в Кариафиарим[15], взять и перевести оттуда в Иерусалим божественный кивот завета, чтобы затем уже постоянно здесь совершать богослужение с жертвоприношениями и другими, угодными Предвечному, способами. При этом царь был того мнения, что если бы евреи сделали это еще в царствование Саула, то им не пришлось бы испытать такие неудачи.

Итак, когда весь народ, согласно принятому решению, был в сборе, царь отправился за кивотом завета. Священники вынесли последний из жилища Аминадава и, поставив его на новую колесницу, запряженную волами, велели везти ее братьям и сыновьям Аминадава. Царь же и весь народ с ним шли впереди колесницы, прославляя Господа Бога, распевая свои родные песнопения под аккомпанемент музыки, провожая кивот с плясками, пением и игрою на трубах и кимвалах до самого Иерусалима. Когда же они достигли местности, носящей название "гумна Хидонова", то некоему Озе пришлось тут умереть от гнева Предвечного. Дело в том, что, когда вола наклонили несколько колесницу, он протянул руку, желая воспрепятствовать падению священного кивота. Но так как он прикоснулся к святыне, не будучи священнослужителем, то тут же умер. Царь и весь народ были глубоко опечалены смертью Озы, а место, на котором он умер, еще и поныне носит название "удара Озы". Давид же побоялся, как бы такая участь, какую испытал Оза, не постигла его самого, если он примет кивот завета в свой город, так как человек, только протянувший к нему руку, погиб таким образом; потому он не привез кивота к себе в город, но свернул с дороги во владения некоего праведного левита, по имени Оведама, и оставил кивот у него. Тут кивот оставался в продолжение целых трех месяцев и принес дому Оведама большое благополучие и счастье. Когда же царь узнал, что Оведама постигла такая удача, что он из раньше бедного и незначительного человека обратился теперь в богача и счастливец, который служит предметом зависти для всех, кто видит и знает его дом, Давид собрался с духом и решил перевести кивот к себе, не боясь уже потерпеть от этого какое-либо несчастье. Таким образом, священники понесли кивот, а семь хоров, обученных царем, шли впереди его, сам же Давид играл на арфе и был так весел, что его жена Михала, дочь первого царя Саула, при виде его в таком настроении, выразила свое негодование. Когда кивот завета был доставлен в город, то его поставили в том шатре, который воздвиг для него

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
Давид. Затем царь устроил торжественные и изобильные покаянные жертвоприношения, во время которых угостил всю массу народную и роздал женщинам, мужчинам и детям по печеному хлебу, сухарю, слоеной лепешке и части мяса жертвенных животных. Угостив таким образом народ, царь отпустил его домой и сам возвратился в свой дворец.

3. Тут пришла к нему жена его Михала, дочь царя Саула, поздравила его и пожелала ему удачи и счастья во всем, чего бы ни дал ему всемилостивый Господь Бог, но при этом стала упрекать Давида в том, что он, такой могущественный царь, неприлично плясал и обнажался при этом перед толпой рабов и рабынь. Давид, однако, ответил, что ему нечего было стыдиться, делая это в угоду и честь Господа Бога, который предпочел его ее собственному отцу и всем прочим, и прибавил к этому, что он еще часто намерен играть и плясать, не смотря на то, что это нарушило бы чувство благопристойности как в ней самой, так и в рабынях. Эта Михала первоначально не рожала Давиду детей. Когда же она впоследствии была отдана отцом своим Саулом в жены другому человеку (у которого затем ее опять отнял Давид), то она стала матерью пяти детей. Но об этом мы скажем впоследствии.

4. Когда царь заметил, что дела его начинают с каждым почти днем идти все лучше и лучше благодаря благоволению Господа Бога, то счел за грех в то время, как он сам живет в великолепнейшем, высоком и с чудной обстановкой дворце из кедрового дерева, оставлять без внимания помещение священного кивота в простом шатре. Поэтому Давид, сообразно предсказанию Моисея, задумал воздвигнуть Господу Богу храм. Когда же он поговорил об этом с пророком Нафаном и тот укрепил его в этом решении, указав на то, что Господь Бог будет сопутствовать Давиду во всех его начинаниях, то царь еще более убедился в целесообразности построения храма. Но в следующую же ночь Предвечный явился во сне Нафану и повелел передать Давиду, что Его очень радуется благое и столь сильное желание царя построить храм, тем более что никто раньше его не возымел мысли сделать это, но что Он вместе с тем не может позволить Давиду приступить к сооружению святилища, так как он вел множество войн и обогрив руки свои кровью убитых врагов. Вместе с тем Господь сказал, что после смерти Давида, которая постигнет последнего в преклонном возрасте после продолжительной жизни, храм этот будет сооружен тем его сыном, к которому впоследствии перейдет царская власть, а именно Соломоном. При этом Предвечный поручил передать Давиду, что Он будет охранять Соломона и заботиться о нем, как отец о сыне, а также сохранит и передаст царство его потомкам, а самого Соломона, в случае каких-нибудь с его стороны прегрешений, накажет лишь болезнью и неурожаем. Узнав это от пророка и обрадовавшись тому, что теперь наверное царская власть будет сохранена за его потомством и что его дом достигнет блеска и великой славы, Давид предстал перед кивотом завета и, пав ниц, начал возносить к Предвечному благодарственную молитву за все то добро, которое Он оказал ему, за то, что Он сделал его, некогда ничтожного пастуха, теперь таким могущественным и славным вождем народа, за обещания, дарованные Господом Богом относительно его потомства, и за ту заботливость, которую Он выказывает евреям в деле сохранения ими свободы. Вознеся эту молитву и прославив Господа Бога в благодарственном гимне, Давид возвратился домой [16].

Глава пятая

1. Спустя короткое время после этого Давид решил, что ему нельзя дольше пребывать в бездействии и беспечности, но следует начать войну с филистимлянами, для того чтобы, сообразно предсказанию Господа Бога, окончательно разбить врагов и затем предоставить своему потомству в будущем возможность царствовать мирно. Поэтому он снова собрал свое войско и, велел ему приготовиться к войне, выступил из Иерусалима, когда увидел, что все у солдат в исправности, и пошел на филистимлян. Разбив их в сражении и отняв у них значительную часть их владений, которую он тут же прирезал к пределам еврейским, Давид пошел войной на моавитян, совершенно разбил и уничтожил в бою два их отряда, а остатки их войска взял в плен и наложил на них ежегодную дань. Затем он двинулся против Адразара, сына Арая, царя Софены [17], сразился с ним вблизи реки Евфрата и перебил у него около двадцати тысяч пехоты и семи тысяч всадников. При этом Давид отнял у него также тысячу боевых колесниц, из которых большую часть велел уничтожить, а себе оставил лишь сто.

2. Когда Адад, царь Дамаска и Сирии, узнал, что Давид воюет с его другом Адразаром, то явился к Адразару с сильным войском на помощь; но исход битвы совершенно не соответствовал его ожиданиям: сразившись на берегах реки Евфрата, он потерял множество воинов; от руки евреев пало из войска Адада около двадцати тысяч человек, все же остальные обратились в бегство. Об этом царе упоминает также Николай [18], рассказывая о нем в четвертой книге

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
своего исторического сочинения следующим образом: "Значительное время спустя после этого царствовал один из туземцев, по имени Адад, который подчинил себе Дамаск и прочие части Сирии, исключая Финикию. Этот-то человек, казавшийся наилучшим из царей по своей силе и своему могуществу, вел войну с иудейским царем Давидом и сходил с ним во многих битвах; последняя битва, в которой он потерпел поражение, произошла вблизи Евфрата". Кроме того, этот же Николай сообщает о потомках его (Адада), что после его смерти они получили последовательно друг от друга царскую власть и вместе с тем прозвище Адада, и выражается по этому поводу следующим образом: "Когда Адад умер, потомки его были царями в продолжение десяти поколений, причем каждый из них, наподобие египетских Птолемеев, получал от отца своего вместе с царской властью также и его имя. Самым же могущественным из всех их был третий. Желая вернуть себе то, что дед его потерял во время поражения, он объявил войну иудеям и опустошил ту страну, которая ныне именуется Самариею". Это совершенно правильно, потому что данный Адад именно тот самый, который пошел войной на Самарию во время царствования израильского царя Ахава, о чем мы впоследствии расскажем в подобающем месте.

3. После того как Давид пошел войной на Дамаск и все прочие части Сирии и всю ее подчинил своей власти, он разместил по важнейшим пунктам страны гарнизоны, определил размеры дани, наложенной на жителей, и возвратился в Иерусалим, где он сделал Господу Богу приношение виде тех золотых колчанов и частей оружия, которые носили телохранители Адада. Это было то самое оружие, которое впоследствии отнял в числе значительных других иерусалимских богатств египетский царь Сулак, когда пошел войной на внука Давидова, Ровоама. Но об этом мы поговорим тогда, когда дойдем в своем повествовании до этого места. Теперь же царь еврейский, благодаря благоволению к нему Предвечного и дарованию удачи на войне, направился на лучшие города Адразара, Ваттею и Махон, взял их штурмом и предал разграблению. Тут ему попало в руки огромное количество золота и серебра, а также бронзы, которая считалась дороже золота; из этой-то бронзы Соломон соорудил большой сосуд, принятый называть "морем" [637], и другую ценнейшую утварь, когда строил храм Предвечному.

4. Когда царь Амафы узнал о постигшем Адразара поражении и о совершенном избиении его войска, то испугался за себя и решил путем дружественного договора склонить Давида на свою сторону раньше, чем бы Давид объявил ему войну. Поэтому он отправил к нему сына своего Адорама с изъявлением признательности, что Давид воевал с его личным врагом Адразаром, и с предложением заключить дружественный договор. При этом царь послал Давиду также и дары, а именно старинной работы золотые, серебряные и бронзовые сосуды. Давид действительно принял подарки, заключил с Феном (так звали царя амафского) [19] союз и отпустил затем его сына со всеми почестями, которые подобали высокому положению их обоих. Присланное же Феном золото и серебро, равно как все прочие драгоценности, которыми Давид овладел при взятии городов и у покоренных народов, он доставил в храм и посвятил Господу Богу в виде жертвенного дара. Предвечный же даровал победу и успех не одному только Давиду, во время личного командования его над войском, но и Авессею, брату главного военачальника Иоава, посланному с отрядом в Иудею и одержавшему, благодаря помощи Господа Бога, блестящую победу над идумеянами: Авессею удалось истребить в одной битве восемнадцать тысяч человек. Затем царь Давид занял всю Идумею своими гарнизонами и наложил дань как на земельные участки, так и поголовно на все население. При этом Давид не изменял характеру своему, признавал требования справедливости и при судебных решениях соблюдал полное беспристрастие. Главным военачальником над всей ратью он назначил Иоава, ближайшим же своим советником определил Иосафата, сына Ахила; первосвященником он сделал, наравне с дружественным ему Авиафаром, Садока из дома Финеесова, а Сису своим секретарем. Ванею, сыну Иоада, он вручил начальство над отрядом телохранителей своих, в состав которого, как ближайшие к нему люди, вошли его собственные старшие сыновья.

5. Не забыл Давид также о своем клятвенном союзе с сыном Саула, Ионафаном, и о беспредельной к нему дружбе и преданности последнего, потому что ко всяким другим присущим Давиду хорошим качествам присоединилось также чувство постоянной благодарности по отношению к лицам, когда-либо выразившим ему свое благоволение. Поэтому Давид велел доискаться, не остался ли из потомства Ионафана в живых кто-либо, которому он мог бы отплатить добром за преданность и дружбу Ионафана. Когда к Давиду привели одного Саулова вольноотпущенника, который мог знать подробности о судьбе потомства Ионафана, то царь спросил его, не в состоянии ли он указать на близкого Ионафану человека, которому можно было бы выразить признательность за оказанные Ионафаном Давиду благодеяния. Вольноотпущенник сказал, что в

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 7 filosoff.org
живых имеется еще один только сын Ионафана, по имени Мемфивосф хромой, потому что его кормилица, при получении известия о гибели отца и деда дитяти в битве, со страшной поспешностью бежала с ним и в это время уронила его, так что ребенок повредил себе ноги. Когда Давид узнал, где Мемфивосф и кем воспитывается, то отправил за ним людей к Махиру в город Лавасу [20] (тут жил сын Ионафана) и велел привезти его в Иерусалим. По прибытии Мемфивосфа [21] он предстал перед царем и в знак приветия пал перед ним ниц. Давид обласкал его и внушил ему надежду на перемену к лучшему в его судьбе. Затем он подарил ему его отцовский дом со всем имуществом, которое некогда принадлежало его деду Саулу. Вместе с тем он пригласил Мемфивосфа в число своих гостей и сотрапезников и приказал ему безусловно ежедневно бывать у него во дворце. Когда сын Ионафана преклонился перед царем в знак глубокой своей признательности за ласковое отношение и ценный подарок, то Давид велел призвать Сиву [22] и сообщил ему, что Мемфивосфу предоставлен в собственность его родительский дом со всем имуществом, оставшимся после Саула. При этом царь приказал Сиве заняться обработкой земельного участка Мемфивосфа и доставлять произведения его в Иерусалим, приглашать Мемфивосфа ежедневно к царской трапезе и предоставлять себя со своими сыновьями (которых у того было пятнадцать), а также своих рабов, числом двадцать, в полное распоряжение сына Ионафанова. На это повеление царя Сива преклонился перед ним и удалился затем с обещанием исполнить все в точности. Сын же Ионафана стал жить с тех пор в Иерусалиме, обедал у царя и был у него совершенно на положении родного сына. У него впоследствии родился ребенок, которого он назвал Михою [23].

Глава шестая

1. Таким-то почетом пользовался у Давида оставшийся после Саула и Ионафана потомок. Когда в это время умер бывший в дружеских отношениях с Давидом амманитский царь Наас [24] и правление перешло к его сыну Аннону, Давид послал к последнему посольство с выражением соболезнования и утешения в постигшем его горе – смерти отца и с уверением, что он готов с Анионом оставаться в тех же хороших отношениях, в которых был с его отцом. Однако старейшины амманитские истолковали это известие в дурном смысле, совершенно обратном тому, который придавал ему царь Давид, и стали возбуждать недоверие своего царя, говоря, что Давид, под предлогом человеколюбия, послал лишь своих соглядатаев к ним в страну. При этом они советовали Аннону остерегаться и не доверять словам Давида, чтобы из этого не вышло неотвратимого несчастья. Итак, придавая советам своих старейшин больше значения, чем бы следовало, амманитский царь Аннон обошелся крайне грубо с посланцами Давида, велел сбрить им половину бороды и срезать нижний край одежды, чтобы они могли принести Давиду ответ не словесный, но осязательный. Увидев это, царь израильский вознегодовал так сильно, что было очевидно, что он не оставит нанесенных ему оскорбления и обиды без ответа, но пойдет войной на амманитян и отомстит их царю за безобразие, учиненное над его посланными. Когда приближенные и военачальники [Аннона] поняли, что они нарушили дружественный договор [с Давидом] и теперь придется отвечать за это, то они стали готовиться к войне. Ввиду этого они отправили к месопотамскому царю Сиру тысячу талантов с просьбой оказать им за это вознаграждение вооруженную поддержку, а также склонили на свою сторону [царя] Суву. В распоряжении этих двух правителей имелось двадцать тысяч пехотинцев. Кроме того, они наняли еще царя амалекитян и пригласили в виде четвертого союзника царя Истова, который вместе с амалекитянином мог выставить двенадцать тысяч тяжеловооруженных воинов.

2. Однако Давид не устранился этого союза и значительных военных сил амманитян, но, уповая на Господа Бога и на то, что его война будет борьбой за правду, так как он собирается на войну лишь с целью отомстить за нанесенную обиду, дал лучшие войска свои главнокомандующему Иоаву и послал его с ними на врагов. Иоав расположился лагерем около столицы амманитян, Равафы [25]. Враги тогда вышли из своего города и выстроились к бою не в одно целое, но разбились на два отряда, причем вспомогательные войска построились отдельно на равнине, силы же амманитян стали у городских ворот, как раз напротив евреев. Когда Иоав заметил это, то и он со своей стороны принял меры предосторожности, а именно выбрал себе самых храбрых воинов и стал с ними против Сира и бывших с ним других [союзных] царей, а остальные войска свои предоставил брату своему Авессеу с приказанием выстроиться против амманитян, причем напомнил Авессею, чтобы тот следил за ним и, если заметит, что его (Иоава) начнут теснить войска Сира и брать верх над ним, немедленно послал бы ему отряд в подмогу; то же самое собирался сделать и Иоав, если бы увидел Авессея в затруднении от амманитян. Итак, Иоав отпустил своего брата на бой с амманитянами и еще раз убедительно просил его храбро и энергично сразиться, как подобает людям, боящимся позора; сам

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
же двинулся на рать Сира. После того как она некоторое, незначительное
впрочем, время стойко выдерживала его натиск, Иоаву наконец удалось
перебить множество врагов, а всех остальных принудить к бегству. Когда
амманитяне увидели это, на них напал страх перед Авессеем и его войском;
они не устояли, но подобно своим союзникам ударились в бегство по
направлению к своему городу. Таким образом Иоав осилил врагов и со славой
вернулся к своему царю в Иерусалим.

3. Тем не менее это поражение не побудило амманитян прекратить военные
действия и, ознакомившись с боевыми преимуществами своих врагов, заключить
с ними мир. Напротив, они отправили посольство к Халаме, царю сирийцев,
живших по ту сторону Евфрата, и за деньги предложили ему вступить с ними в
союз, тем более что у него был главнокомандующим Савек, который
начальствовал над армией, состоявшей из восьмидесяти тысяч пехотинцев и
десяти тысяч кавалерии. Когда царь еврейский узнал, что амманитяне опять
собрали для войны с ним такие большие военные силы, он решил более не
высылать против них своих полководцев, но сам сразиться с ними. Поэтому он
во главе всего своего войска немедленно переправился через реку Иордан,
встретился там с неприятелями и, вступив с ними в бой, одержал полную
победу. При этом он перебил до семи тысяч всадников и до сорока тысяч
пехоты и нанес такую рану главному полководцу Халамы, Савеку, что тот
вскоре от нее умер. Ввиду такого исхода боя месопотамцы сдались Давиду и
прислали ему дары. Была уже зима, когда царь вернулся в Иерусалим; в начале
же весны он выслал против амманитян своего главнокомандующего Иоава,
который ворвался в их пределы, разграбил страну совершенно, запер жителей в
их столице Равафе и приступил к осаде последней[26].

Глава седьмая

1. В это время с Давидом, человеком от природы праведным, благочестивым и
свято чтившим установленные законы, случился великий грех. Дело в том, что
однажды вечером он увидал с крыши своего дворца, по которой в эту пору он
имел обыкновение прогуливаться, женщину необычайной красоты, купавшуюся у
себя дома в холодной ванне. Имя этой женщины было Вирсава. Красота ее
совершенно очаровала царя, и он, не будучи в силах сдержать своей страсти,
послал за ней и сошелся с ней. Женщина забеременела и послала к царю
просьбу найти какое-нибудь средство скрыть ее прегрешение (потому что, по
установленным законам, ей за прелюбодеяние грозила смерть). Тогда царь
послал за мужем этой жены - его звали Урией, и он был оруженосцем у Иоава -
и стал его расспрашивать о войске и о ходе осады. Когда же тот ответил, что
дела у них идут как нельзя лучше, Давид велел его хорошо угостить с его
собственного стола и приказал ему затем пойти отдохнуть с женой. Урия,
однако, не сделал этого, но спал в ту ночь перед дверьми царя в обществе
прочих его оруженосцев. Когда царь узнал об этом, то спросил Урию, почему
он [накануне] не вернулся к себе домой и не провел ночи в объятиях своей
жены, как это обыкновенно делают все те, которые были в отсутствии
продолжительное время и возвращаются к себе. Но воин ответил, что было бы
несправедливым отдыхать и наслаждаться с женой, пока его сослуживцы и сам
военачальник валяются на голой земле лагеря, в неприятельской стране.
Получив такое объяснение, Давид приказал Урии остаться еще этот день у
него, так как собирается отпустить его к главнокомандующему на следующий
день. Затем он опять пригласил его к себе обедать и так угостил его вином,
что тот дошел до полного опьянения. Тем не менее Урия опять переночевал у
порога царя, не подумав даже о возможности радостного свидания с женой.
Огорчившись этим, царь написал Иоаву письмо, в котором приказывал наказать
Урию, так как последний-де провинился[27]. При этом Давид также указал
Иоаву на такой для Урии род наказания, при котором не обнаружилось бы, что
сам царь определил его, а именно: Давид приказал поставить Урию во время
боя с неприятелями на такую позицию, где бы ему пришлось сразиться одному и
угрожала бы неминуемая опасность смерти, и для этого, когда начнется
схватка, отступить всем его сотоварищам. Это письмо, запечатанное
собственной печатью, царь поручил Урии доставить Иоаву. Последний, получив
и прочитав царское послание, действительно поставил Урию и с ним несколько
лучших солдат из всего войска на такую позицию, на которой, по его мнению,
враги оказались бы ему особенно опасными. Сам же он обещал подойти к ним со
всем войском на помощь, если им удастся, подкопав стену, проникнуть в
город. При этом Иоав уговаривал Урию, столь славного воина, известного по
своей храбрости не только у царя, но и у всех товарищей, радоваться такой
серьезной, возложенной на него задаче, а не выражать по этому поводу своего
неудовольствия. Урия взялся затем бодро за исполнение порученного ему дела,
а Иоав тайно от него велел назначенным ему в помощники воинам покинуть его,
когда увидят, что враги устремятся на них. И действительно, когда евреи
подошли к городу, амманитяне испугались, как бы неприятели их в том месте,

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 7 filosoff.org
где стал на позицию Урия, не предупредили их, влезли на стену, и, выставив вперед самых отчаянных своих смельчаков, отперли ворота и неожиданным сильным напором быстро устремились на евреев. В это мгновение все товарищи Урии отступили назад, как им повелел Иоав. Урия же, считая позорным обратиться в бегство и покинуть занимаемое место, стал выжидать натиска врагов. Когда последние бросились на него, ему удалось перебить немало их количеством, но затем он был окружен ими со всех сторон и пал под их ударами. Вместе с ним пало также несколько его товарищей.

2. После этого происшествия Иоав отправил к царю послов с извещением, что он приложил все усилия, чтобы взять скорее город, приблизился с этой целью к городской стене, но был вынужден с большим для себя уроном отступить. Вместе с тем он велел посланным прибавить к этому сообщению еще известие о смерти Урии, если бы царь выразил гнев на их слова.

Когда царь услышал это сообщение посланцев, очень опечалился ему и сказал, что военачальники сделали оплошность, открыто подойдя к стене, и заметил, что следовало пытаться взять город при помощи осадных орудий и таранов, чему мог научить пример Авимелеха, сына Гедеона, который, желая приступом взять укрепленную башню в Финах, получил от какой-то старухи удар камнем в голову и, несмотря на все свое геройство, должен был погибнуть позорной смертью лишь вследствие затруднительности такого рода приступа.

Помня этот пример, не следовало подходить близко к стенам неприятельского города, потому что всего лучше и выгоднее никогда не забывать о всяких происходивших на войне случаях и опасных положениях, чтобы сообразоваться с первыми и остерегаться последних. Когда же Давиду, находившемуся в столь возбужденном состоянии, было сообщено о смерти Урии, то гнев царя смягчился и он приказал посланцам вернуться к Иоаву и передать ему, что такая случайность может выпасть на долю всякому человеку и что такова уже участь военных действий: что удача клонится то в одну, то в другую сторону, но что вообще Иоаву следует при дальнейшей осаде приложить все старания к тому, чтобы избежать вторичного поражения, пустить во время осады в дело валы и осадные орудия и, таким образом овладев городом, перебить всех жителей его. Посланец поспешил с этим поручением царя назад к Иоаву, а жена Урии Вирсава, узнав о гибели мужа, облеклась на несколько дней в траур по нем. После того как ее печаль и слезы по Урии поутихли, царь ее немедленно взял к себе в жены и у него родилось от нее дитя мужского пола.

3. Господь Бог, однако, с неудовольствием взирал на этот брак и очень негодовал за него на Давида. Ввиду этого Предвечный явился во сне пророку Нафану и стал выражать ему свое неудовольствие на царя. Нафан же, как человек утонченно вежливый и рассудительный, принял во внимание, что, когда царями овладевает гнев, они скорее поддаются этому гневу, чем чувству справедливости, и потому решил не передавать Давиду угроз, услышанных им от Господа Бога, но употребить по отношению к царю совершенно другой тон, и притом такого рода, что это должно было раскрыть Давиду его собственный на этот счет образ мыслей. Поэтому Нафан обратился к нему со следующими словами: "В одном и том же городе жило некогда двое людей; один из них был богат и имел большие стада крупного и мелкого рогатого скота, у бедного же была всего-навсего одна только овца. Эту овцу он держал при своих детях, сам кормил ее, делился с ней своей пищей и любил ее так, как любят родную дочь. И вот, когда однажды явился к богатому человеку гость, он не захотел пожертвовать на угощение друга ни одним из своих ягнят, но послал к бедняку, насильно отнял у него овцу его и приготовил ее на обед приятелю-гостю". Эта речь очень смутила царя, и он ответил Нафану, что считает человека, осмелившегося совершить такой поступок, мерзавцем, обязанным уплатить учетверенную стоимость овцы и, кроме того, быть казненным. Нафан возразил на это, что Давид признал самого себя достойным такого наказания, так как по собственному признанию сам дерзнул поступить так же гнусно и ужасно [28]. Тут же Нафан стал сообщать Давиду о страшном гневе на него Господа Бога, который сделал его царем над всей массой евреев и подчинил ему множество великих соседних народов, который, кроме того, избавил его от преследований Саула и дал ему женщин, на которых он мог жениться совершенно беспрепятственно и законно. Теперь же этот Бог сделался предметом оскорбления и насмешки с его стороны, так как Давид держит у себя чужую жену, мужа которой он выдал на убиение неприятелям. Ввиду всего этого, продолжал пророк, царь даст за это ответ перед Господом Богом, который строго накажет его: собственные жены Давида будут изнасилованы одним из его сыновей, который составит заговор против жизни самого царя, и таким образом последний будет открыто наказан за тайно совершенный им грех. Также и ребенок, которого родила ему та женщина, должен будет скоропостижно умереть. Но так как царь был страшно подавлен всем этим и в глубоком волнении со слезами на глазах сознал все безбожие своего поступка (ведь он вообще был человеком богобоязненным и во всю свою жизнь совершил только

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 7 filosoff.org
один этот грех с женой Урии), то Господь Бог сжалился над ним и отпустил ему вину его, обещая пощадить жизнь его и не отнимать у него царской власти, так как не желает больше негодовать на Давида ввиду его раскаяния во всем случившемся. Нафан объявил об этом царю и вернулся к себе домой.
4. Ребенок же, которого родила жена Урии, заболел тяжелой болезнью, которая до того опечалила царя, что он в продолжение семи дней, несмотря на настоятельные просьбы приближенных, воздерживался от [обычной] пищи, облекся в темную одежду и, прикрывшись мешком, в знак траура, лежал на земле, умоляя Господа Бога спасти ребенка: очень уж Давид любил мать младенца. Когда же последний на седьмой день умер, то слуги не решались доложить об этом царю, боясь, как бы Давид, узнав о постигшем его горе, не стал воздерживаться еще дольше от пищи в знак траура о смерти сына, когда он так страдал во время его болезни. Но царь заметил по смущенному виду слуг, что случилось нечто, что им хотелось бы скрыть, и понял, что ребенок умер. Поэтому он подозвал к себе одного из служителей и узнал от него всю правду. Затем он встал, совершил омовение и, надев белую одежду, отправился в скинию Божию. Когда он, вернувшись оттуда, приказал подать себе обед, то вызвал тем самым большое изумление своих родственников и слуг, которые были поражены тем, что царь, от всего отказывавшийся во время болезни ребенка, теперь ведет себя так после его смерти. Ввиду этого они, с позволения Давида, решились спросить его о причине такой в нем перемены. Царь же назвал их людьми нерассудительными и объяснил им, что, когда ребенок был еще жив, и у него была еще надежда на возможность спасти его, он делал все, что было в его силах, чтобы склонить Предвечного к милосердию; но раз ребенок умер, уже не стоит напрасно печалиться. Все согласилось с такой мудростью и прозорливостью царя.

5. Между тем Иоав сильно досаждал амманитянам своей осадой, отрезав у них воду и подвоз каких бы то ни было съестных припасов, так что жители находились в крайне стесненном положении относительно пищи и питья. Дело в том, что воду доставлял им один только незначительный колодец и им приходилось обходиться с ней крайне экономно, чтобы в противном случае не остаться совершенно без воды. Обо всем этом Иоав донес царю письменно и приглашал его приехать лично для занятия города, чтобы иметь возможность приписать себе победу. Увидев из этого письма, как предан и верен ему Иоав, царь взял то войско, которое оставалось лично у него в распоряжении, и явился с ним под Равафу. Вскоре затем он взял город приступом и предоставил его своим солдатам на разграбление. Сам же он взял себе при этом корону царя амманитского; она была сделана из золота, стоила целый талант и была украшена посередине ценным сардониксом. С тех пор Давид и носил эту корону. Вместе с тем он нашел в городе также множество других драгоценностей. Мужское население Равафы он велел пытать и казнить. Так же он поступил и с прочими амманитскими городами, которыми овладел оружием[29].

Глава восьмая

1. Когда царь вернулся в Иерусалим, то узнал, что в его доме случилось неприятное происшествие такого рода: у Давида была необыкновенной красоты дочь, по имени Фамара, еще незамужняя и превосходившая своей миловидностью всех прочих женщин. Она была единородной сестрой его сына Авессалом. К ней воспылал такой страстью сын Давида Аммон, что не был в силах устоять ни перед ее девственностью, ни перед другими соображениями, которые могли бы заставить его остерегаться необдуманного шага; он страшно страдал, скорбь разъедала его, он похудел и побледнел. Однажды он встретился со своим родственником и другом Ионафаном, который отличался особенной прозорливостью и большой хитростью. Видя, что Аммон каждый день все более и более худеет, Ионафан стал расспрашивать его о причине такого явления и прибавил, что вся эта перемена в Аммоне обуславливается, видимо, страстной любовью. Тогда Аммон признался ему в своей страсти и сказал, что полагает любовь к родной сестре своей. Ионафан на это предложил указать ему верный способ добиться желанных в этом деле результатов, а именно советовал ему притвориться больным и, когда навестит его отец, просить его прислать к нему в сиделки сестру и указать, что исполнение этой просьбы не представит затруднений и живо исцелит его от болезни.

Итак, Аммон, по хитрому совету Ионафана, слег в постель и притворился больным. Когда же отец навестил его и участливо стал спрашивать, что с ним такое, Аммон попросил прислать к нему сестру. Царь тотчас же велел позвать Фамару. Когда она явилась, Аммон попросил ее собственноручно приготовить ему жареных лепешек, которые ему будет приятнее получать от нее, чем от других. Тогда Фамара занялась на глазах у брата приготовлением теста и печением лепешек и поднесла их ему. Аммон не тотчас взял их, но потребовал, чтобы прислуга Удалилась из спальни, под предлогом, что ему хочется наедине отдохнуть от всего этого шума и суматохи. Когда его желание было исполнено,

Амнон предложил сестре отнести готовое блюдо во внутренние покои дома, и когда девушка сделала это, он схватил ее и стал умолять отдаться ему. Тогда девушка воскликнула: "Брат! Ты не смеешь изнасиловать меня и не дерзнешь, совершив такой безбожный поступок, нарушить законы и навлечь на себя страшный позор. Удержи поэтому свою незаконную и грязную страсть, результатом которой может быть лишь срам и позор для нашей семьи". Вместе с тем она посоветовала Амнону поговорить об этом деле с отцом, который, пожалуй, согласится на их брак. Все это она говорила с целью избавиться в данную минуту от его назойливых приставаний. Амнона, однако, не убедили доводы сестры, и он, сжигаемый и распалемый жгучей страстью своей, изнасиловал ее. Но так же быстро, как охватила его страсть к обладанию девушкой, на него напало и чувство отвращения к ней, и он с ругательствами велел ей немедленно удалиться. Когда же та стала жаловаться, что это оскорбление хуже первого, если он, изнасиловав ее, не позволит ей остаться здесь до наступления ночи, то Амнон приказал ей убираться немедленно днем, при всем народе, чтобы люди были свидетелями ее позора, и даже повелел слуге вышвырнуть ее из дома. В глубоком отчаянии, вследствие нанесенного ей обидного насилия, Фамара разодрала свою верхнюю одежду (в древности девушки носили доходящие до бедер кофты с рукавами, чтобы хитон не был виден) и, посыпав голову пеплом, пошла по всему городу, громко плача о нанесенном ей оскорблении. Тут встретился с нею брат ее Авессалом и спросил ее, какое несчастье постигло ее. Когда Фамара рассказала ему о своем позоре, он стал утешать ее и просил успокоиться и не так убиваться, указывая на то, что не на нее падает позор, если она изнасилована братом. Эти доводы заставили ее прекратить свой громкий плач и не распространять в народе молвы о нанесенном ей оскорблении; затем она надолго поселилась у брата своего Авессалома, ища утешения в слезах.

2. Узнав о всем этом происшествии, Давид ужасно рассердился на Амнона, но так как он очень любил его (Амнон был его старшим сыном), то не хотел огорчать его. Между тем Авессалом возгорел страшной ненавистью к брату и тайне ожидал лишь удобного случая для того, чтобы отомстить ему за его безобразный поступок. Таким образом прошло два года с тех пор, как сестра его сделалась предметом поругания для Амнона.

Однажды Авессалом собрался на стрижку своих овец в городе Вельсефоне (это город в области колена Ефремова) и пригласил к себе на пир отца своего с братьями. Но когда отец, не желая быть сыну в тягость, отклонил это приглашение, Авессалом попросил его прислать к нему хоть братьев; на эту просьбу Давид согласился. Авессалом же приказал своим слугам, по данному им знаку, безбоязненно броситься на Амнона и убить его, когда увидят, что он опьянел и его клонит ко сну. Когда слуги исполнили это приказание, ужас и смущение охватили братьев, и они, испугавшись за свою собственную безопасность, вскочили на коней и понеслись к отцу своему. Но кто-то успел опередить их и возвестил Давиду, что все сыновья его убиты Авессаломом. При мысли, что он потерял зараз стольких сыновей, и притом от руки их собственного родного брата, сильнейшая скорбь обуяла Давида, и он, не расспрашивая о причине такого злодеяния и не желая узнавать никаких подробностей, как то было бы естественно при получении известия о столь ужасном и даже невероятном преступлении, разодрал свою одежду и бросился навзничь на землю, оплакивая всех сыновей своих, как умерщвленных, так и самого убийцу. Но Ионафан, сын брата его Самы, стал уговаривать Давида поддержать свое горе и не верить в смерть всех его сыновей (потому что нельзя было бы подыскать даже причину такого факта) и сказал, что относительно судьбы Амнона действительно следовало бы навести справки: весьма возможно, что Авессалом решился на убийство его в отмщение за изнасилование Фамары. Во время этого разговора слух их приковал к себе топот лошадей и шум от приближающейся толпы людей. То были сыновья царя, ускакавшие из-за стола Авессалома, со слезами на глазах они бросились к отцу, который со скорбью встретил их и с восторгом убедился, что паче чаяния перед ним стоят невредимыми те, о гибели которых ему только что сообщили. Затем раздался общий плач и стон: братья оплакивали погибшего брата, царь же насильственную смерть сына.

3. Между тем Авессалом бежал в Гефсуру[30] к своему деду со стороны матери, который правил тогда тамошней областью, и оставался у него в продолжение целых трех лет.

4. Наконец Давид решил послать за своим сыном Авессаломом, и притом не для того, чтобы наказать его, но для того, чтобы иметь его при себе, так как с течением времени гнев его на Авессалома прошел. В этом намерении Давида особенно поддерживал его главный военачальник Иоав, по распоряжению которого к царю явилась престарелая женщина в траурном платье и стала рассказывать ему, что во время полевых работ ее двое сыновей поссорились друг с другом и дошли до насильственных действий; а так как вблизи не было

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
никого, который мог бы остановить их, то один из ее сыновей был убит своим братом. Затем старуха просила Давида оказать ей милость и оградить жизнь ее сына-убийцы, так как все родственники вооружились против него и стараются умертвить его, и тем не отнимать у нее последней на старости лет поддержки. Это, продолжала она, царь в состоянии сделать, воспретив родственникам убивать ее сына: они в данном случае не отступят ни перед чем, кроме как перед страхом перед ним. Когда царь выразил согласие на исполнение просьбы старухи, последняя тотчас сказала ему: "Благодарю тебя за твою милость, с которой ты сжалился над моей старостью и моей полной бездетностью; но для того чтобы мне вполне можно было положиться на твои человеколюбивые намерения, то прости для начала своего собственного сына и прекрати гнев свой на него. Ибо как могла бы я быть совершенно уверенной в том, что ты действительно явишь мне обещанную милость, если ты сам до сих пор питаешь злобу на собственного сына за совершенно аналогичное преступление? Было бы вполне безрассудно добровольно пожертвовать сыном, если другой сын погиб против нашего желания". Царь понял, что все это дело подстроено Иоавом и обусловлено привязанностью последнего [к Авессалому], и когда он спросил об этом старуху и узнал от нее, что дело действительно обстоит так, то Давид велел позвать Иоава и сказал ему, что предложение его принято и что Авессалому разрешается возвратиться, потому что царь более уже не гневается на него. Иоав пал ниц перед Давидом, благодарил его за его решение и затем немедленно отправился в Гефсуру, взял Авессалома и вернулся с ним в Иерусалим.

5. Когда царь узнал о том, что сын его уже находится на возвратном пути к нему, то он выслал к нему навстречу людей, с приглашением Авессалому явиться в город, причем велел присовокупить, что он, царь, еще недостаточно успокоился, чтобы принять сына немедленно по его прибытии. Ввиду этого Авессалом избегал встречи с отцом и спокойно сидел у себя дома в кругу родных. Впрочем, ни горе, ни отсутствие той заботливости, на которую он, в качестве царского сына, имел бы право рассчитывать, не умалило его [прежней] красоты; напротив, он все еще отличался среди прочих своим красивым лицом и статным ростом и в этом отношении превосходил даже тех, кто жил в роскоши и неге. Обилие волос на голове у него было таково, что на стрижку их требовалось без малого восемь дней, и волосы эти весили двести сиклов, т. е. пять фунтов.

Таким образом Авессалом прожил в Иерусалиме два года. Он был уже отцом трех сыновей и одной необыкновенно красивой дочери, которую впоследствии взял в жены сын Соломона, Ровоам. Она родила последнему ребенка по имени Авия. Однажды Авессалом обратился к Иоаву с просьбой устроить окончательное примирение его с отцом и добиться от него разрешения на личное свидание. Но так как Иоав не обратил внимания на эту просьбу, то Авессалом послал нескольких людей своих с поручением поджечь его поля, которые граничили с его собственными владениями. Когда Иоав узнал об этом, то он пришел к Авессалому, стал укорять его и спросил о причине такого поступка. Авессалом же ответил:

"Я придумал это средство для того, чтобы побудить тебя прийти ко мне, потому что ты, несмотря на полную с твоей стороны возможность, отнесся безучастно к моей просьбе примирить меня с отцом. И так как ты теперь явился ко мне, то очень прошу тебя, устрой это дело поскорее: если отец мой еще дольше будет пребывать в своем на меня гневе, то я готов считать свое здесь пребывание более тяжелым, чем прежнюю ссылку". Иоав убедился этими доводами, сжалившись над положением Авессалома, отправился к царю в качестве посредника и, переговорив с ним о его сыне, так склонил его в пользу Авессалома, что Давид велел немедленно позвать его к себе. Когда Авессалом бросился перед ним на колени и стал умолять его о прощении, царь поднял его и объявил ему о помиловании[31].

Глава девятая

1. Достигнув таких результатов у отца своего, царя, Авессалом в весьма короткое время добыл себе много лошадей и много боевых колесниц и окружил себя отрядом оруженосцев в пятьдесят человек. Каждый день поутру он ходил во дворец, вступал в интимные разговоры с людьми, которые, явившись туда на суд, проигрывали свои процессы, говорил им, что у отца советники не хороши и что приговоры против них поставлены несправедливо. Таким образом он привлекал к себе всеобщую симпатию и заявлял, что, если бы ему была предоставлена такая власть, он лично стоял бы на почве законности и на страже их интересов. Склонив чернь такими обещаниями на свою сторону и убедившись, что успел уже заручиться ее расположением, Авессалом пошел к отцу просить его, ввиду истечения четырех лет со времени их примирения, разрешить ему отправиться в Хеврон, чтобы там принести Господу Богу ту жертву, которую во время изгнания он обещался принести Ему. Заручившись

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
согласием Давида, Авессалом отправился в путь, и с ним двинулась огромная масса простого народа, который был собран специально с этой целью разосланными во все стороны агитаторами.

2. В числе спутников Авессалома оказались также гелмонец Ахитофел, советник Давида, и двести других иерусалимских граждан, которым ничего не было известно о готовящемся предприятии и которые приняли участие в поездке лишь для того, чтобы присутствовать при жертвоприношении. Между тем Авессалом так ловко устроил свои дела, что был всеми своими спутниками провозглашен царем [32]. Когда об этом было доведено до сведения Давида и он против ожидания услышал такие вещи о своем сыне, то крайне испугался и вместе с тем удивился его безбожной дерзости, в силу которой тот не только забыл о недавнем помиловании, но и присоединил к прежнему своему проступку еще более гнусное безобразие и беззаконие, так как, во-первых, царская власть предназначалась Господом Богом не ему, а во вторых, он стремился к умерщвлению родного отца своего. При таких обстоятельствах Давид, однако, решился искать спасения в бегстве по ту сторону Иордана. Поэтому он созвал самых преданных друзей, сообщил им о преступлении, совершенном его сыном, и, предоставив все на благоусмотрение Господа Бога, покинул свой дворец, поручив заведование им своим десяти налогом, и выступил из Иерусалима в сопровождении охотно примкнувшей к нему толпы народа и тех шестисот тяжеловооруженных воинов, которые еще при жизни Саула не покидали его и делили с ним тягости ссылки. Первосвященников же Авиафара и Садока, решившихся было удалиться вместе с ним из города, равно как и всех левитов с кивотом завета, он уговорил остаться в Иерусалиме, ссылаясь на то, что Господь Бог защитит его даже и в том случае, если он не повезет с собой священного кивота. Вместе с тем Давид сделал распоряжение, в силу которого о всех происшествиях немедленно тайно доносили бы ему. Особенно верных исполнителей этого повеления нашел он в лице сыновей первосвященников Садока и Авиафара, Ахиме и Ионафана. Также и гиттеец Ефий примкнул к Давиду против воли последнего (царь уговаривал его остаться) и тем самым еще более выказал свою преданность царю. Когда же последний с необутыми ногами проходил по горе Элеонской и все, сопровождавшие его, плакали, Давиду было принесено известие, что и Ахитофел примкнул к Авессалому и вполне разделяет его взгляды. Эта новость еще сильнее опечалила Давида, и он стал умолять Господа Бога разъединить Авессалома и Ахитофела, потому что боялся, как бы последний, человек очень умный и крайне решительный, не стал советовать Авессалому крайностей. Взобравшись затем на вершину горы, Давид стал смотреть на внизу раскинувшийся город и потом со слезами на глазах, как человек, изгнанный из своего царства, молиться Предвечному. Вскоре затем ему встретился его верный друг по имени Хуси. Видя, как этот человек раздирает свою одежду, посылает голову пеплом и горько плачет над переменной в судьбе Давида, царь стал его утешать и успокаивать в его горе, а затем стал просить его отправиться [к сыну] и для виду, как бы единомышленником, примкнуть к Авессалому, разузнать сокровенные планы последнего и противодействовать советам Ахитофела: та-ким-де образом, прибавил Давид, он поможет ему больше, чем если останется при нем. Убеденный доводами Давида, Хуси покинул его и прибыл в Иерусалим, куда вскоре затем приехал и Авессалом.

3. Не успел Давид пройти еще некоторое расстояние, как встретился ему раб Мемфивосфа Сива, которого последний отправил в виде надзирателя над всем имуществом, полученным им в качестве сына Ионафа, сына Саулова, в подарок от Давида. Сива вел двух ослов, нагруженных съестными припасами, и предложил царю и его спутникам взять себе из этих припасов сколько угодно. На вопрос Давида, где Сива оставил Мемфивосфа, тот ответил, что он находится сейчас в Иерусалиме и ожидает, что во время настоящих смут его изберут в цари в память благодеяний, оказанных жителям Сау-лом. Сильно на это разгневавшись, царь подарил Сиве все то, что он раньше уступил Мемфивосфу, считая Сиву гораздо более достойным этих благ, чем самого Мемфивосфа. Сива был, конечно, чрезвычайно обрадован такою милостью.

4. Когда Давид вскоре затем прибыл в местность, носящую название Ваурин, тут встретился с ним родственник Саула, Семей, сын Гиры, стал бросать в него камнями и поносить его. Несмотря на присутствие друзей Давида, которые слышали и видели все это. Семей все больше и больше ругал царя, называя его кровопийцею и корнем всякого зла. При этом он приказывал Давиду, как человеку запятанному и проклятому, покинуть страну, а сам благодарил Господа Бога за то, что Он отнял у Давида царскую власть и наказал его тем, что его собственный сын поступает теперь относительно его так, как сам Давид некогда поступал со своим государем [Саулом]. Когда все присутствовавшие выразили Семей свое глубокое негодование, а Авессей даже собирался умертвить его, Давид успокоил его и сказал: "Не станем присоединять к настоящему бедствию еще новый повод к неприятностям. Ведь

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
то, что изрыгает против меня эта бешеная собака, не навлекает на меня позора, да и не вызывает во мне опасений; я совершенно покорюсь воле Всевышнего, который допустил безумную выходку этого человека против нас. Нет ничего удивительного в том, что мне приходится терпеть это от такого человека, раз я подвергся гонениям со стороны [собственного] безобразника-сына". Затем он продолжал путь свой, не обращая внимания на Семеня, который бежал по другому склону горы и поносил его жестоко. Когда же Давид достиг Иордана, он предложил своим спутникам расположиться здесь на отдых.

5. Между тем Авессалом и его советник Ахитофел прибыли со всем народом в Иерусалим. Сюда явился к ним и друг Давида и, преклонившись пред Авессаломом, пожелал ему долголетнего и прочного царствования. Когда же Авессалом спросил, каким таким образом он, бывший прежде одним из наиболее преданных его отцу друзей, который, казалось, не мог отступить от этой своей верности, теперь находится не при Давиде, но покинул последнего и перешел на его, Авессалома, сторону, Хуси отвечал ловко и разумно, что всегда следует идти за Богом и народом. "Так как оба они, о владыка, теперь на твоей стороне, то и я очевидно должен примкнуть к тебе; ведь ты получил царскую власть от Предвечного. Если ты примешь меня в число друзей своих, то я отнесусь к тебе с тою же верностью и преданностью, с которыми, как ты сам знаешь, я относился к отцу твоему. Впрочем, даже и не приходится быть недовольным настоящим положением вещей; ведь царская власть не перешла в руки другой династии, но осталась в той же семье, лишь достоянием сына сделалась она". Этими словами Хуси убедил Авессалома, который отнесся было к нему с недоверием.

Затем Авессалом призвал к себе Ахитофела и стал совещаться с ним, как поступить дальше. Тот посоветовал ему войти в сношения с наложницами отца, потому что таким образом народ окончательно убедится в невозможности его примирения с отцом и с большою готовностью будет участвовать вместе с ним в военных действиях против отца. До сих же пор люди боялись открыто объявлять Давиду войну, потому что опасались возможности обоюдного примирения. Следуя этому совету, Авессалом приказал своим слугам поставить его шатер над царским дворцом и на глазах народа сошелся с наложницами отца своего. Таким образом оправдалось предсказание Пафана относительно оскорбления Давида его собственным сыном.

6. Поступив сообразно указанию Ахитофела, Авессалом снова обратился к нему за советом относительно того, как ему вести войну с отцом. Этот потребовал у него десять тысяч отборных воинов и обещал при помощи их умертвить его отца, привести к Авессалому живьем приверженцев Давида и вполне утвердить за ним царскую власть, когда Давида уже более не будет в живых. Этот способ понравился Авессалому, и он велел привести к себе Хуси, друга Давидова (так он все еще продолжал называть его). Сообщив Хуси о плане Ахитофела, Авессалом спросил и его о его мнении. Но этот, понимая, что, если план Ахитофела будет приведен в исполнение, Давид рискует быть схваченным и убитым, стал настаивать на противоположном и сказал: "О царь, тебе ведь отлично известна храбрость отца твоего и его приверженцев, потому что они вели неоднократные войны и всегда побеждали врагов своих. Вероятно, теперь отец твой расположился лагерем, так как ему отлично знакомы все военные хитрости и он прекрасно предвидит всякие ухищрения наступающих неприятелей. Под вечер же он покинет своих людей и скроется в одной из долин или спрячется в засаду за какую-нибудь скалою. Когда затем наши войска сойдутся с его силами, то его люди немного подадутся назад, чтобы, в сознании близости своего царя, еще храбрее оказывать нам сопротивление. И вот как раз в самый разгар боя отец твой внезапно появится из своей засады и тем самым еще более воспламенит военный пыл своих воинов, которые еще охотнее бросятся за него - навстречу опасности и совершенно подавят твои войска. Поэтому прими теперь во внимание и мой совет и, признав его более целесообразным, откажись от плана Ахитофела и пошли по всей стране еврейской вестников с приглашением начать войну против отца твоего. Стань затем лично во главе своего войска в качестве военачальника и не доверяй этого дела никому другому. Очевидно, что тебе будет легко победить отца, если ты открыто сразишься с ним, у которого в распоряжении столь ничтожные силы, потому что у тебя самого будет в руках много десятков тысяч людей, желающих выказать тебе свое рвение и свою тебе преданность. Если же отец твой засел в какое-нибудь место и стал ждать там осады, то мы возьмем и этот город с помощью осадных орудий и подземных подкопов". Этот совет пришелся Авессалому более по вкусу, чем план, предложенный Ахитофелом. Господь Бог сам так устроил, что Авессалом предпочел мнение Хуси совету его противника.

7. После этого [Хуси] поспешил к первосвященнику Садоку и Авиафару, сообщил им о советах, преподанных Авессалому Ахитофелом и им самим, и сказав, что,

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
по-видимому, Авессалом склоняется на сторону его плана, просил послать к Давиду с извещением о принятом решении и с советом поскорее переправиться через Иордан, чтобы сын его, внезапно изменив принятое решение свое и вздумав пуститься за ним в погоню, не захватил его врасплох раньше, чем Давид успеет скрыться в безопасном месте. Между тем первосвященники держали сыновей своих за пределами города наготове, чтобы каждую минуту быть в состоянии извещать Давида о положении дел. Ввиду этого они тотчас отправили к ним верную рабыню с извещением о планах Авессалома и приказали сыновьям своим скорее сообщить о всем этом Давиду. Юноши не теряли попусту времени, но лишь только получили приказание отцов своих, явились точными и добросовестными исполнителями этих повелений и, считая священной обязанностью своею поскорее и получше исполнить поручение, немедленно отправились к Давиду. Когда они уже были в расстоянии двух стадий от города (Иерусалима), их заметило несколько всадников, которые донесли об этом Авессалому, а этот в свою очередь немедленно послал их в погоню за юношами с приказанием схватить их. Заметив за собою погоню, сыновья первосвященников тотчас свернули с большой дороги в лежащую недалеко от Иерусалима деревню (имя которой было Вахур)[33] и тут попросили какую-то женщину спрятать их в каком-нибудь безопасном месте. Женщина спустила юношей [на канате] в колодец и прикрыла его сверху войлоком; когда же прибыли преследователи и стали расспрашивать ее о беглецах, то она не отрицала того, что их видела, но сказала при этом, что они у нее лишь напились воды и затем пустились в дальнейший путь; тут же она высказала предположение, что, если преследователи будут усердно продолжать свое дело, они наверно достигнут юношей. После того как люди, высланные в погоню, долго и тщетно искали сыновей первосвященников, они наконец решили вернуться обратно; женщина в свою очередь увидела их возвращение и поняла, что теперь для юношей уже нет никакой опасности попасть им в руки; поэтому она извлекла их из колодца и посоветовала им спокойно продолжать свой путь. Те быстро и охотно последовали ее совету, скоро прибыли к Давиду и в точности сообщили ему о всем том, что Авессаломом было решено относительно его. Ввиду этого, несмотря на то, что уже наступила ночь, Давид отдал приказание своим людям немедленно переходить через Иордан.

8. Между тем Ахитофел, видя, что его совет отвергнут (Авессаломом), сел на мула и отправился на родину, в Гелмон[34], тут он созвал всех своих близких, сообщил им о том плане, который он предложил было Авессалому, и высказал предположение, что последний, не приняв его совета, очевидно, в скорейшем времени должен будет поплатиться за это собственною гибелью, тогда как Давид одержит над ним верх и вернет себе царскую власть. Ввиду этого, продолжал Ахитофел, он предпочитает добровольно и мужественно наложить сам на себя руки, чем попасться Давиду и подвергнуться с его стороны позорному наказанию за ту поддержку, которую он оказывал Авессалому в борьбе против него. С этими словами Ахитофел отправился в дом свой и там повесился. Родственники вынули его, который стал таким образом сам судьей над своею жизнью и смертью, из петли и похоронили его.

Между тем Давид, перейдя, как мы уже сказали, через Иордан, прибыл в "лагерь"[35], очень красиво расположенный и хорошо укрепленный город. Все выдающиеся представители той местности приняли его с большим почтением, отчасти из сострадания к тому, что Давиду пришлось спасаться бегством, отчасти ввиду его прежнего величия. То были: галаадец Верзелей, Сифар, правитель области Амманитской, и Махир, представитель Галаада. Все эти лица доставили Давиду и его спутникам все необходимые предметы и припасы, так что у них не было недостатка даже в постелях, не говоря уже о хлебе и вине. Вместе с тем они отдали им значительное количество скота и не только позаботились о том, чтобы удовлетворить их настоятельнейшие нужды, но и о том, чтобы доставить им в надлежащей мере все удобства, столь необходимые для людей переутомленных[36].

Глава десятая

1. В таком положении находились Давид и его приверженцы, когда Авессалом, собрав огромное еврейское войско, повел его против отца своего, переправился через Иордан и остановился недалеко от Маханаима в стране Галаадской. Главным военачальником над всеми вооруженными силами своими он назначил, вместо родственника его Иоава, Амессу. Дело в том, что Амесса был сыном Иофера и Авигеи; последняя же и мать Иоава, Саруйя, были сестрами Давида. Когда Давид подсчитал количество своих воинов и нашел, что их у него четыре тысячи, то решил не выжидать нападения Авессалома, но поставил над своими войсками тысяцких и сотников и, разделив все свои силы на три отряда, подчинил один из них ведению Иоава, другой брату его Авессею, а командование третьим отрядом предоставил своему закадычному старому другу Ефею из города Гитты. И сам Давид хотел было принять участие в бою, но

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 7 filosoff.org
друзья не допустили его до этого, удержав его от того весьма разумным соображением, а именно что, если они будут побеждены вместе с ним, он должен будет раз навсегда оставить всякую надежду на возвращение к власти; если же один отряд его даже потерпит поражение, то остальные два явятся к нему, и он успеет своим присутствием придать им еще более уверенности и силы, да и враги, очевидно, предположат, что у него имеется еще другое войско. Склоняясь в пользу этого совета, Давид решил сам остаться в Маханаиме. Когда же он стал отпускать друзей своих и военачальников в бой, то обратился к ним с увещанием выказать свою храбрость и верную ему преданность в память того доброго расположения, которое он, Давид, всегда выказывал по отношению к ним. При этом он также просил пощадить, в случае победы над ним, его сына Авессаломом, дабы ему, Давиду, не пришлось наложить на себя руки, если Авессалом падет в битве. Затем он пожелал войску победы и отпустил его в бой.

2. Иоав выстроил свой отряд как раз против неприятелей на большой равнине, окаймленной густым лесом; Авессалом двинул на него войска свои. Когда оба войска сошлись, то с той и другой стороны была выказана великая храбрость: воины Иоава не отступали ни пред какими опасностями и дрались с ожесточенною смелостью за то, чтобы Давид мог вернуть себе утраченную царскую власть; противники же прилагали всевозможные усилия для того, чтобы Авессалом не потерял этой власти и не попался в руки отцу, который бы строго наказал его за совершенный им дерзкий захват этой власти. Кроме того, люди Авессаломом, представляя в сравнении со своими противниками значительное большинство, боялись величайшего позора, который навлекло бы на них поражение со стороны Иоава и его малочисленного отряда, тогда как у людей Давида разыгрались страсти потому, что они старались снискать себе славу одержанием победы над столькими десятками тысяч врагов. В конце концов победа осталась за воинами Давида, так как они были физически сильнее своих противников, да и опытнее в военном деле. Когда враги ударились в бегство, они пустились за ними в погоню по лесам и ущельям и перебили их множество, так что во время этого бегства их погибло больше, чем в самой битве, а именно в тот день пало около двадцати тысяч человек. Приближенные же Давида все устремились за Авессаломом, который выделялся среди своих воинов как красотою, так и огромным ростом. Боясь попасться в руки врагов, он вскочил на царского мула и также ускакал. И вот пока он налегке мчался со страшною быстротою, густые и длинные волосы его вдруг запутались в ветвях огромного дерева, и он повис на нем в то время, как мул помчался дальше, не заметив, что хозяин его уже более не сидит на нем. Повиснув таким образом на ветвях дерева, Авессалом был окружен врагами. Увидев это, один из воинов Давида доложил о том Иоаву и, когда последний сказал ему, что он подарил бы пятьдесят сиклов, если бы он убил Авессаломом, ответил:

"И хотя бы ты мне предложил даже тысячу сиклов, я бы не решился поднять руку на сына моего государя, тем более что все мы слышали, как Давид просил пощадить юношу". Затем Иоав приказал воину указать ему место, где он видел Авессаломом повисшим на дереве, пошел туда и пустил ему стрелу в самое сердце. Оруженосцы же Иоава, окружив труп, сняли его с дерева и, бросив тело в глубокую темную яму, завалили ее камнями, пока она не наполнилась совершенно и не приняла вида большой могилы. После этого Иоав велел трубить своим людям отбой и тем положил конец погоне за неприятельским войском, желая пощадить своих единоплеменников.

3. Авессалом раньше воздвиг в так называемой царской долине, находящейся в расстоянии двух стадий от Иерусалима, мраморную колонну, которую назвал "собственною своею рукою", говоря, что, даже если все его потомство погибнет, имя его останется все-таки жить в этой колонне. Детей у него было четверо: трое сыновей и дочь Фамара, о которой мы уже выше упоминали [37]. Последняя вышла [впоследствии] замуж за внука Давида, Ровоама, и родила ему сына Авию, к которому перешла затем царская власть. Но об этом у нас будет речь впереди, в своем месте. После смерти Авессаломом люди его рассеялись в разные стороны и разошлись по домам.

4. Тем временем Ахимас, сын первосвященника Садока, явился к Иоаву с просьбою разрешить ему отправиться к Давиду, чтобы объявить ему о победе и о том, что с Божьею помощью и поддержкою все сошло как нельзя лучше. Иоав, однако, возразил, что не подобает Ахимасу, который до сих пор являлся к Давиду лишь с радостными известиями, прийти теперь к нему с известием о смерти его сына, и поэтому велел ему остаться при нем, сам же позвал Хуси и поручил ему сообщить царю все то, чего он был свидетелем. Но так как Ахимас еще настоятельнее стал просить Иоава поручить именно ему донесение царю об исходе боя (причем он обещался довести до сведения Давида лишь известие об одержанной победе, а о смерти Авессаломом хотел умолчать вовсе), то Иоав наконец согласился отпустить его к Давиду. Ввиду этого Ахимас выбрал

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org кратчайший, ему одному известный путь и опередил таким образом Хуси. Между тем Давид сидел у ворот дома и поджидал, не явится ли кто-нибудь к нему с известиями об исходе битвы. Тогда кто-то из сторожей увидел бегом приближающегося Ахимаса, но не будучи в состоянии различить, кто это, сообщил Давиду, что к нему бежит гонец. Когда же царь выразил пожелание, чтобы то был человек с хорошим известием, сторож сообщил ему, что идет еще второй посланец. Лишь только Давид повторил свое пожелание о том, чтобы и второй гонец принес ему доброе известие, как сторож узнал Ахимаса, сына первосвященника Садока, и заявил об этом Давиду, который страшно ему обрадовался и сказал, что этот гонец возвещает добро и несет сообщение о благополучном исходе сражения.

5. Не успел царь сказать это, как прибежал Ахимас, пал пред царем ниц и, на вопрос последнего об исходе боя, возвестил ему полнейшую победу. Когда же Давид затем спросил его, что он может сообщить ему о судьбе сына, то Ахимас ответил, что он отправился к Давиду в путь немедленно после того, как враги были обращены в бегство, но что слышал, как войска с громким криком бросились преследовать Авессалома. Больше он относительно Авессалома ничего не был в состоянии узнать, потому что, по поручению Иоав, должен был поспешить возвестить царю об одержанной победе. Так как в это же время подоспел и Хуси и, прибежав к Давиду, бросился перед ним на землю, то царь обратился к нему с вопросом об участии сына, на что тот ответил: "Да постигнет всех твоих врагов судьба Авессалома". Эти слова сразу положили конец великой радости Давида и его приближенных по поводу одержанной победы. Сам Давид взобрался на самую верхушку городских ворот и там стал громко оплакивать гибель сына. При этом он бил себя в грудь, рвал волосы на голове, всячески выказывал глубокое горе свое и кричал: "О если бы, дитя мое, смерть постигла и меня вместе с тобою!" Давид вообще отличался большою привязанностью к своим родным, а особенно симпатией его всегда пользовался Авессалом. Когда же войско и Иоав узнали, что царь так горюет о гибели сына, то им было стыдно вступить в город гордыми победителями со всею подобою такому случаю помпою, но все они вернулись удрученными и со слезами на глазах, как будто понесли поражение. А так как царь заперся в своей комнате и продолжал оплакивать судьбу сына, то Иоав пошел к нему и, желая его несколько успокоить, обратился к нему со следующими словами: "О государь! Ты, видно, сам не знаешь, как ты унижаешь себя, поступая таким образом, а именно делая вид, будто ты ненавидишь людей, преданных тебе всей душой и подвергавшихся за тебя и твою семью опасности, тогда как выражаешь расположение и любовь к злейшим врагам своим и печалуешься над смертью тех, кто умер заслуженным образом. Ведь если бы победа осталась на стороне Авессалома и он тем самым упрочил бы за собою царскую власть, он никого бы из нас не пощадил, но все мы, начиная с тебя самого и детей твоих, погибли бы от руки его самым безжалостным образом, причем враги наши не только не подумали бы оплакивать нас, но, напротив, очень обрадовались бы нашей гибели и безжалостно стали бы наказывать всех тех, кто вздумал бы выразить сожаление о постигшем нас бедствии. Между тем тебе не стыдно так относиться к злейшему врагу своему, который, несмотря на то что был твоим собственным сыном, поступил так бессердечно с тобою! Умерь поэтому свою совершенно неуместную печаль, покажись своим воином и поблагодари их за выказанную в деле храбрость. Если же ты будешь все-таки настаивать на своем, я еще сегодня уговорю народ отложиться от тебя и передать царскую власть другому лицу. Этим я наверное доставлю тебе повод действительно заслуженно печалиться".

Этими словами Иоав положил конец мучительной печали Давида и направил мысли царя на настоящее положение дел. Он принял другой облик, так что ему теперь уже стало возможным явиться на глаза народу, и сел у городских ворот, а весь народ, узнав об этом, стал стекаться к нему и приветствовать его. Так окончилась война Давида с Авессаломом[38].

Глава одиннадцатая

1. Вернувшись к себе домой, те из сражавшихся вместе с Авессаломом евреев, которые успели избежать гибели в бою, стали рассылать по городам посланцев с напоминанием об оказанных им некогда Давидом благодеяниях и о том, что он путем целого ряда затруднительных войн доставил им свободу, а также с указанием на ту обиду, которую они нанесли ему теперь тем, что свергли его с престола и отдали царскую власть другому лицу; при этом они просили, ввиду того, что провозглашенный ими государь теперь уже более не находится в живых, убедить Давида не только не сердиться дольше на них, но и по-прежнему относиться к ним опять с добрым расположением, а также принять по-старому бразды правления. Также и к Давиду беспрестанно являлись посланные с выражением подобных же пожеланий, и ввиду этого царь послал к первосвященникам Садоку и Авиафару с поручением вступить в сношения с

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 7 filosoff.org
начальствующими над коленом Иудовым лицами и указать им, что им приходится особенно стыдиться того обстоятельства, что прочие колена вновь признают Давида своим царем раньше их, которые вдобавок являются наиболее близкими по происхождению и единокровными с ним людьми. То же самое поручил он сказать и военачальнику Амессе и представить ему всю неуместность того, что он, Амесса, несмотря на то что является племянником Давида по сестре, все-таки не побуждает подчиненного ему войска признать Давида царем; при этом царь велел присоединить уверение, что он не только готов примириться с ним (тем более, что это в сущности уже совершившийся факт), но и предоставить ему, как было при Авессаломе, главное начальствование над всем войском. Первосвященники, действительно, не только вступили в соответствующие переговоры со старейшинами отдельных колен, но и склонили Амессу на предложение царя и побудили его принять это предложение. Вместе с тем Амесса тотчас уговорил представителей колена [Иудова] отправить к Давиду посольство с изъявлением просьбы вновь принять на себя царскую власть. Благодаря побуждению того же Амессы, так же поступили и все прочие израильтяне.

2. Когда посланные явились с этою просьбою к Давиду, последний [тотчас] отправился в Иерусалим. Раньше всех других выступили навстречу царю: колено Иудово, представшее пред ним вблизи реки Тортана, а также Семей, сын Гиры, с тысячею воинов, которых он успел набрать в области колена Веньяминова, и вольноотпущенник Саула, Сива, со своими пятнадцатью сыновьями и двадцатью прислужниками. Последние совместно с представителями колена Иудова построили на реке мост, чтобы царю с его приближенными облегчить переход. Когда же Давид прибыл к Иордану, то колено Иудово приветствовало его, а затем Семей пал на мосту ниц и, охватив ноги царя, стал молить его о прощении во всех содеянных им проступках и прося не поступать с ним по всей строгости и не ознаменовывать своего вновь восстановленного правления казнью, но принять во внимание, что он, Семей, чистосердечно раскаялся в своих преступлениях и поспешил первый выйти царю навстречу. И пока Семей так умолял его и зывал к милосердию Давида, брат Иоава, Авессей, сказал: "Неужели ты все-таки не будешь казнен за то, что ты осмелился повесить ставленника Божьего на царство?" Царь же обратился к нему и сказал: "Неужто вы, сыновья Саруи, не прекратите ваших споров. Не вздумайте возбуждать у нас новые смуты и распри в дополнение к старым. Ведь вам отлично известно, что я сегодня как бы вновь начинаю править государством. Поэтому, клянусь, всех провинившихся я освобождаю от всякой ответственности и не желаю наказывать никого из них. Ты же, - закончил он речь свою, обратясь к Семей, - успокойся и не бойся более за свою жизнь". Семей пал еще раз ниц пред Давидом и двинулся впереди его по мосту.

3. Затем навстречу Давиду вышел и Мемфивосф, внук Саула, облеченный в грязную одежду, с беспорядочно распущенными волосами, потому что он в своей печали по поводу бегства Давида давно уже не стригся и не чистил своего платья, смотря на горе, постигшее царя, как на свое личное несчастье. Кроме того, он подвергся перед царем также напрасной клевете со стороны управляющего своего. Сивы. После того как он в знак приветия пал ниц перед Давидом, последний обратился к нему с вопросом, почему Мемфивосф не примкнул к нему и не сопутствовал ему во время его бегства. На это тот ответил, что вина в этом падает на Сиву, который, получив от него приказание приготовить все нужное к отъезду, не обратил на это приказание никакого внимания, но отнесся к нему, как будто бы Мемфивосф был его рабом. "И если бы только, - сказал последний, - у меня были здоровыми ноги, я не оставил бы тебя и мог бы пешком поспешить за тобой в изгнание. Но тот человек (Сива) не только заставил меня, государь, поступить так нехорошо с тобою, но и нашел вдобавок возможность самым безобразным способом оклеветать меня пред тобою и налгать тебе на меня. Впрочем, я знаю, что подобная вещь не может проникнуть в твою душу, отличающуюся стремлением к истине, желающую укрепления правды и любящую Господа Бога. Ведь ты подвергался со стороны моего деда еще большим невзгодам, и за это следовало бы, чтобы весь род наш был истреблен; тем не менее ты явил нам свое мягкое сердце и доброту свою как раз в то самое время, предав забвению все нанесенные тебе обиды, когда ты располагал наибольшею властью наказывать нас за все эти преступления. Напротив, ты отнесся ко мне, как к ближайшему своему другу, принял меня в число постоянных своих сотрапезников и не забывал оказывать мне даже такие почести, которые обыкновенно являются уделом лишь самых близких родственников". Выслушав эту речь, Давид решил не взыскивать с Мемфивосфа (за его неявку), но и не наказывать Сиву за его ложный донос; при этом царь сказал Мемфивосфу, что, хотя он отдал Сиве все его, Мемфивосфа, имущество, он, однако, теперь готов простить его и вернуть ему половину этого имущества, на что Мемфивосф ответил: "Пусть Сиве останется все; я уже доволен тем, что ты вернул себе назад царскую власть

свою".

4. Галаадца же Верзелея, человека знатного и очень порядочного, вдобавок оказавшего Давиду в Маханаиме целый ряд услуг и сопровождавшего его до Иордана, царь стал уговаривать отправиться вместе с ним в Иерусалим, причем обещал ему воздать его седине всякий почет и заботиться о нем и ходить за ним, как за родным отцом. Верзелей, однако, стал отказываться от этого предложения, ссылаясь на тоску по своим домашним и по обычному своему образу жизни, а также указывая, что он, восьмидесятилетний старик, уже не может гнаться за удовольствиями, но думает только о смерти и могиле, ввиду чего и просит сделать ему одолжение – отпустить его домой, сообразно высказанному им желанию. Ведь в его возрасте, говорил он, уже не могут прельщать человека ни пища, ни питье, да и слух у него уже настолько испортился, что он не в состоянии радоваться игре на флейтах и звукам других музыкальных инструментов, которыми развлекаются царские сотрапезники.

Так как Верзелей столь настойчиво просил Давида разрешить ему возвратиться домой, царь сказал: "Хорошо, тебя я отпущу, но за то предоставь мне сына своего Ахимана; с ним я буду делить свои богатства". Тогда Верзелей оставил у Давида сына своего, поклонился царю, пожелал ему полной удачи во всех его предприятиях и возвратился к себе домой. Давид же прибыл в Галгал, склонив на свою сторону уже половину всего народа и колено Иудово.

5. В Галгале с большими массами народа явились к нему также и главные старейшины страны и стали высказывать неудовольствие по поводу того, что колено Иудово отправилось к Давиду без предварительного о том оповещения их, тогда как было бы гораздо уместнее им всем вместе, по общему соглашению, устроить ему торжественную встречу. На это начальники колена Иудо-ва ответили просьбою – не сердиться на них за такую поспешность, потому что они, ввиду родства с царем, сочли нужным раньше других выразить ему свое расположение, причем ведь они не имели от этого никакой личной выгоды, которой бы таким образом лишились явившиеся позже; следовательно, последним нечего выражать свое неудовольствие. Этот довод старейшин колена Иудова, однако, нисколько не успокоил начальников прочих частей народа, и поэтому они сказали: "Мы, братья, очень удивляемся тому, что вы считаете только себя одних родственниками царя. Нам, напротив, кажется, что человек, получивший от Господа Бога власть над всеми нами, тем самым для всех нас является одинаково родным. Кроме того, весь народ состоит из одиннадцати частей, вы же представляете только одну [двенадцатую] часть его; вдобавок на нашей стороне право старшинства. Вот почему вы поступили неправильно, представ пред царем тайком от нас и не известив нас об этом".

6. В то время как предводители [отдельных колен] таким образом препирались между собою, какой-то гнусный агитатор по имени Савей, сын принадлежавшего к колону Веньяминову Вохория, с громким криком бросился в самую толпу и провозгласил: "Никому из нас не близок Давид, и нет нам никакого дела до сына Иессея". С этими словами он стал трубить в рог и тем подал знак к отпадению от царя. И действительно, тотчас все отступились от Давида и последовали за Савеем. Одно лишь колено Иудово осталось верным Давиду и направилось вместе с ним в его иерусалимский дворец.

Отсюда царь велел перевести всех тех своих наложниц, с которыми имел сношение сын его Авессалом, в другое помещение, распорядился, чтобы управляющие снабжали их всем необходимым, а он более не сходил с ними. Затем он назначил Амессу военачальником и сравнял его по должности с Иоавом; вместе с тем он приказал ему в трехдневный срок набрать из колена Иудова возможно больше войска и явиться к нему с последним, чтобы затем, приняв начальство над всеми вооруженными силами, выступить в поход против сына Вохория. Когда же отправившийся для созыва войска Амесса замешкался с этим делом и не вернулся в назначенный срок, царь на третий день заявил Иоаву, что, по его мнению, опасно предоставлять Савею столько времени для сборов, так как мятежник имеет таким образом возможность сделать значительные приготовления и стать приманкою больших и гораздо значительнейших бедствий, чем были те, которые вызвал Авессалом. "Ввиду этого, – закончил Давид речь свою, – не медли теперь дольше, но возьми войска, находящиеся в нашем распоряжении, а также тех шестьсот человек, которыми командует брат твой Авессей, пустись с ними в погоню за врагом и старайся сразиться с ним, где бы ты его ни встретил. Вместе с тем поспеши и постарайся предупредить его, чтобы он не был в состоянии занять укрепленные города и тем самым не доставил нам многих и значительных затруднений".

7. Иоав и сам уже не стал медлить, но взял с собою брата и его шестьсот воинов, а также все остальные военные силы, которые находились тогда в Иерусалиме, и двинулся с ними против Савея. Когда он достиг Гаваона (это – деревня, отстоящая от Иерусалима на расстоянии сорока стадий) [39], он встретился здесь с Амессою, который вел за собою значительное войско. Иоав

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
был опоясан мечом и в панцире. Когда же Амесса приблизился к нему, чтобы в знак приветия поцеловать его, Иоав нарочно, но как бы случайно выронил из ножен меч свой. Затем он наклонился, чтобы поднять его с земли, и, схватив приблизившегося Амессу за бороду, как бы для того, чтобы поцеловать его, быстро, так что тот не мог даже опомниться, вонзил ему меч в живот и убил таким образом Амессу наповал. Это гнусное и непростительное деяние совершил Иоав над благородным юношей, вдобавок родственником, не подававшим к тому никакого повода, исключительно из зависти, что тому было предоставлено (наравне с ним самим) начальство над войском, и за то, что он пользовался со стороны царя равным с Иоавом почетом. По такой же точно причине он уже раньше убил и Авеннира. Но для того преступления у него было хотя бы только на вид достаточное оправдание, именно то, что он мог отговариваться желанием отомстить за смерть брата своего Асаила. Для убийства Амессы же у него не было в запасе никакого подобного оправдания. Убив своего товарища по службе, Иоав отправился в погоню за Савеем, предварительно оставив у трупа убитого одного воина с поручением провозгласить перед войском, что "Амесса умер по всей справедливости и потерпел наказание вполне заслуженно. Если же вы преданы царю, то следуйте за полководцем его, Иоавом, и братом последнего, Авессеем". А так как труп Амессы лежал у самой дороги и все войско стекалось туда к нему, и, как это бывает всегда с простонародьем, выражало по поводу этой смерти свое удивление и сожаление, то приставленный к трупу страж унес его оттуда в поле, подальше от большой дороги, положил его там на землю и прикрыл своим плащом. После того как это было сделано, все войско уже беспрекословно пошло за Иоавом. Пока последний искал Савея по всей стране Израильской, кто-то сообщил Иоаву, что враг засел в сильно укрепленном городе Авелмахе[40]. Явившись туда, обложив город своим войском и соорудив вокруг него окопы, Иоав приказал своим воинам подкопать стены и тем разрушить их. Дело в том, что он был очень восстановлен против жителей этого города за то, что они раньше отказались впустить его к себе.

8. В городе тогда жила дальновидная и очень сообразительная женщина, которая, чувствуя, что ее родина находится на краю гибели, поднялась на городскую стену и стала просить Иоава через его солдат разрешения переговорить с ним. Когда тот подошел к стене, женщина стала указывать ему на то, что Господь Бог назначает царей и полководцев для того, чтобы они освобождали народ еврейский от врагов и тем доставляли бы стране мир. "Ты же между тем, - продолжала она, - из всех сил стараешься разрушить и уничтожить ни в чем не повинный значительный израильский город". На это Иоав возразил, что он молит Бога избавить его от этой необходимости, так как сам он, Иоав, вовсе не имеет намерения убивать кого-нибудь из жителей и нисколько не желает предавать разрушению такой выдающийся город, но только требует выдачи ему возмущившегося против царя Савея, сына Вохория, для казни, и затем немедленно готов прекратить осаду города и увести свое войско. В ответ на это заявление Иоава женщина возразила просьбою подождать немного (потому что ему сейчас будет переброшена через стену голова врага), сама спустилась вниз к своим согражданам и сказала им: "Неужели вы, несчастные, непременно желаете жалко погибнуть со своими детьми и женами из-за гнусного, да еще никому и не знакомого субъекта, непременно хотите именно его признать своим царем, вместо оказавшего нам столько благодеяний Давида, и считаете себя в силах выдержать нападение на этот один город таких значительных и отличных войск?" И действительно, подобными речами ей удалось склонить сограждан к тому, что они отрубили Савею голову и перебросили ее в лагерь Иоава. После этого царский военачальник велел трубить отбой и снял осаду; когда же он вернулся в Иерусалим, то вновь был избран главнокомандующим всей армией. Начальником над стражею телохранителей и отрядом шестисот царь поставил Ванея, Адорама сделал заведующим пошлинами, Саваф и Ахилай остались заведующими кабинетом, Суса был сделан главным секретарем, а Садок и Авиафар остались первосвященниками[41].

Глава двенадцатая

1. Спустя некоторое время страну постиг голод, и Давид обратился к Господу Богу с молитвою пощадить народ и пояснить ему, царю, причину этой напасти и средства к борьбе с нею. На это пророки сказали, что Всевышний требует удовлетворения за тех гаваонитян, которых вполне незаконно и обманым образом перерезал Саул, тем самым нарушив данную им военачальником Иисусом и старейшинами клятву[42]. Если Давид предоставит гаваонитянам возможность по собственному усмотрению отомстить за убитых, то Он обещает примириться с народом и избавить народ от тяготеющего над ним бедствия. Узнав таким образом от пророков о воле Божьей, Давид отправил к гаваонитянам посольство с запросом, каковы их требования в данном случае. Гаваонитяне отвечали, что

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 7 filosoff.org
они требуют выдачи семерых потомков из рода Саула для наказания их. Тогда Давид велел отыскать таковых и выдать их гаваонитянам, причем, однако, пощадил Мемфивосфа, сына Ионафана.
Получив потомков Саула, гаваонитяне предали их казни сообразно собственному своему усмотрению. Немедленно после этого вновь пошли дожди, и Господь опять сделал почву плодородною, положив конец предшествовавшей этому засухе. Таким образом земля евреев по-прежнему стала богата плодами.
Несколько времени спустя Давид пошел походом на филистимлян, сразился с ними, обратил их в бегство и, бросившись за ними в погоню, оставил всех далеко за собою, так что очутился один в поле и почувствовал сильное утомление. Тут его заметил один из врагов, по имени Акмон, сын Арафа. Человек этот был исполинского роста и вооружен копьем, древко которого, по преданию, весило триста циклов, кольчугою и мечом. Заметив усталость царя, он устремился на него, чтобы нанести смертельный удар. Тут, однако, быстро подоспел на помощь к Давиду, уже лежавшему на земле, брат Иоава, Авессей, и убил врага. Весь народ был очень взволнован тем, что царь чуть не погиб, подвергшись такой опасности, и военачальники заклинали Давида более не принимать вместе с ними личного участия в битве, чтобы своей отчаянной храбростью не лишить себя жизни, а народ той массы благоденствий, которые он может в продолжение длинного ряда лет еще присоединять к уже оказанным.
2. Когда вслед за этим до сведения царя дошло, что филистимляне собрались около города Газарь[43], он выслал против них войско. Тогда явил особенные чудеса храбрости и стяжал себе необычайную славу хеттеянин Совакх, один из самых отважных сподвижников царя. Этот Совакх перебил множество врагов, с гордостью выдававших себя за потомков исполинов и очень кичившихся своим мужеством; этим он обеспечил победу за евреями.
После этого поражения филистимляне снова объявили войну Давиду, и последний опять выслал против них войско, в котором особенно выделился своими подвигами родственник царя, Нефан. Дело в том, что он, вступив в единоборство с храбрейшим из всех филистимлян, убил его, после чего остальные обратились в бегство, во время которого потеряли множество воинов. Спустя немного времени, враги снова расположились лагерем у города Гитты, недалеко от границ еврейских владений. В числе филистимлян находился человек в шесть локтей вышины; на руках и на ногах у него было по шести пальцев.
С этим-то воином вступил в поединок Ионаф, сын Самаса, из посланной Давидом против филистимлян рати, уложил своего противника и тем самым решил победу своего войска и стяжал себе лично почетную известность. И этот филистимлянин с гордостью указывал на свое происхождение от "исполинов".
После этого случая филистимляне уже более не воевали с израильтянами.
3. Покончив наконец со всеми этими полными многоразличных опасностей войнами и имея возможность в течение остального своего царствования наслаждаться глубоким миром, Давид взялся за сложение хвалебных в честь Господа Бога гимнов в разнообразных размерах, в одних из них употреблял трехстопный размер, другие писал пятистопными. Вместе с тем он велел заготовить массу музыкальных инструментов и научил левитов аккомпанировать себе при воспевании славы Предвечного по субботним и всем прочим праздничным дням. Устройство этих музыкальных инструментов было следующее: кефара имела десять струн, по которым ударяли палочкою, набла[44] была снабжена двенадцатью струнами, и на ней играли непосредственно пальцами, кимвалы, наконец, представляли из себя большие, плоские, медные тарелки. Этих данных будет достаточно для нас, чтобы мы могли себе составить некоторое понятие о вышеуказанных музыкальных инструментах.
4. Все ближайшие сподвижники царя отличались необычайною храбростью; между ними особенно выдавались своими военными подвигами тридцать восемь человек. Из числа их я остановлюсь, впрочем, на деяниях лишь пяти, потому что по ним можно будет составить себе совершенно ясное представление и о всех прочих, у которых были все данные для того, чтобы покорять целые страны и подчинять себе великие народы.
Итак, первым из этих героев является Иессам, сын Ахемя, который неоднократно вламывался в самый центр врагов и успокаивался не раньше чем убивал человек девятьсот из них. За ним следует Елеазар, сын Додия, бывший с царем при Арасаме. Когда однажды израильтяне испугались множества филистимлян и ударились пред ними в бегство, он один не покинул своего поста, но ринулся на врагов и перебил массу их, так что от обилия пролитой им крови меч прилип к его рукам; когда же израильтяне увидели, что филистимляне бежали от него, то и сами они опять спустились со своих горных вершин и бросились за ними в погоню, причем им удалось одержать тогда удивительно славную победу, а войско следовало за ним и грабило убитых.
Третьим валяется сын Ила, Кисавей, который также принимал участие в стычках с филистимлянами. Когда в деле при Сиагоне[45] евреи также испугались и не

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 7 filosoff.org
устояли перед силами врагов, он один заменил собой целое войско, потому что перебил одну часть филистимлян, а другую, которая не была в состоянии справиться с ним и ударилась в бегство, стал преследовать. Такие подвиги военной доблести и физической силы явили трое поименованных героев. Когда однажды, как мы уже выше рассказали, в бытность царя в Иерусалиме, филистимляне напали на страну, Давид поднялся в свой укрепленный замок, чтобы вопросить Господа Бога об исходе предстоящей войны. Между тем враги уже успели расположиться станом в долине, которая тянется на расстоянии двадцати стадий от Иерусалима до города Вифлеема. Тогда Давид обратился к своим друзьям с замечанием: "Какая славная вода у меня на родине!" Причем отозвался с особенной похвалой о качестве воды в цистерне у городских ворот и сказал, что если бы кто-нибудь принес ему оттуда такой воды, то доставил бы ему тем самым гораздо больше удовольствия, чем если бы сделал ему значительный подарок. Лишь только это услышали указанные три мужа, как тотчас же вскочили и, пробившись сквозь середину лагеря врагов, добрались до Вифлеема; захватив с собой воды, они вновь вернулись через вражеский став назад к царю и сделали все это так быстро, что филистимляне, пораженные их бесстрашием и храбростью, совершенно растерялись и не посмели тронуть их, несмотря на их малочисленность. Когда же вода была доставлена царю, последний не стал пить ее, указав, что она добыта ценой опасности жизни этих людей и что поэтому к ней прикасаться невозможно. Но зато он Принес ее в жертву Всевышнему и возблагодарил Его за милостивую охрану этих мужей.

К указанным трем героям присоединяется еще четвертый, брат Иоава, Авессей, которому удалось в один день истребить шестьсот неприятелей. Пятым же был Ванеас из священнического рода. Когда его вызвали на единоборство несколько братьев, славившихся в стране моавитян своей силой, то он доблестно одержал над ними победу. В другой раз ему предложил вступить в поединок какой-то необычайного роста египтянин, и Ванеас, несмотря на то что был безоружен, убил того наповал его собственным копьем, которое он вырвал у него из рук; кроме того, он снял с еще живого своего противника его доспехи и доконал его собственным его оружием. К этим указанным подвигам может быть причислен еще и следующий, который если стоит по отчаянной смелости своей не выше упомянутых, то по крайней мере может выдержать с ними сравнение. В зимнее время однажды лев случайно провалился в цистерну, а так как отверстие колодца было довольно узко и, кроме того, занесено снегом, то он чуть не задохнулся там; не видя средства к спасению, лев начал громко рычать. Когда Ванеас, случайно проходивший мимо, услышал рев зверя, то пошел по направлению, откуда доносились звуки, спустился в цистерну и одним ударом бывшей у него в руках палки убил льва. Остальные герои являли подобные же чудеса храбрости [46].

Глава тринадцатая

1. Однажды царь Давид пожелал узнать, из скольких десятков тысяч человек состоит его народ, причем совершенно забыл о предписании Моисея – приносить при всяком счислении народа за каждое лицо в жертву Господу Богу по полсикла [47]. Итак, Давид поручил своему полководцу Иоаву отправиться по стране и подсчитать население. Несмотря на то, что Иоав выставил всю бесполезность такого предприятия, царь не послушался его и велел ему немедленно и без проволочек приняться за подсчет евреев. Тогда Иоав взял с собой старейшин над отдельными коленами и писцов, прошел по всей стране Израильской и, выяснив все количество населения, по истечении девяти месяцев и двадцати дней вернулся к царю в Иерусалим и представил царю численность всего народа, за исключением колена Веняминова, потому что как это колено, так и Левине он не успел подвергнуть исчислению; царь тем временем, однако, уже раскаялся в том, что так согрешил относительно Предвечного. И вот оказалось, что число израильтян, способных носить оружие и участвовать в походах, доходило до девятистот тысяч человек, а колено Иудово само по себе представляло количество четырехсот тысяч душ.

2. Однако вскоре пророки заявили Давиду, что Господь Бог гневается на него. Царь начал усердно молиться о том, чтобы Предвечный вернул ему прежнее свое благорасположение и простил бы ему его прегрешение. Тогда Всевышний послал к Давиду пророка Гада с предложением выбора между тремя родами наказаний: желает ли он, чтобы страну в продолжение семи лет постигал голод, или чтобы враги после трехмесячной войны нанесли евреям поражение, или чтобы в течение трехдневного срока среди евреев свирепствовала моровая язва. Давид очутился в крайне затруднительном положении при необходимости решиться на одно из сопряженных с такими ужасными бедствиями наказаний, глубоко опечалился и совершенно растерялся. Однако пророк указал на неизбежность какого-либо решения и велел дать ответ поскорее, чтобы он, пророк, мог довести решение Давида до сведения Господа Бога. Тогда царь подумал, что,

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
если он выберет голод, пожалуй, скажут, что он сделал это во вред другим, а не себе, так как у него лично были большие запасы хлеба, между тем как всех прочих постигла бы вся тягость наказания; если же бы он склонился в пользу" трехмесячной войны, которая должна была окончиться поражением евреев, то его опять могли бы обвинить в том, что он выбрал этот род наказания потому, что сам он окружен наиболее храбрыми защитниками и имеет значительные укрепления, в силу чего ему, конечно, не приходится опасаться за свою собственную персону. Ввиду всего этого Давид выбрал наказание, которое в одинаковой мере постигало бы царей и подданных и которого все одинаково должны были опасаться (а именно моровую язву), причем выставил на вид, что лучше отдаться в руки Предвечного, чем во власть неприятелей.

3. Узнав об этом решении Давида, пророк сообщил о нем Предвечному, который и наслал на евреев моровую язву. Народ погибал при этом не в одной лишь форме, так что нелегко было определить момент заболевания. И хотя бедствие по результатам своим сводилось постоянно к одному и тому же, смерть под тысячью различных форм похищала людей, которые притом совершенно не были в состоянии уберечься от нее и принять какие-либо меры предосторожности. Дело в том, что один умирал непосредственно за другим, и сколь незаметно подкрадывалась болезнь, столь же быстро наступал и печальный конец ее жертвы, причем одни умирали в страшных мучениях и невероятных страданиях почти внезапно, тогда как других настолько истощали сопровождавшие течение болезни мучительные страдания, что от их тела к моменту смерти почти ничего уже более не оставалось, что могло бы быть предано земле. У одних вдруг темнело перед глазами, и они умирали от удушья, другие испускали дух во время похорон кого-либо из умерших родственников и так и не успевали окончить чужое погребение. Таким образом за время от рассвета до полудня первого же дня успело умереть от моровой язвы семьдесят тысяч человек. Тогда ангел Господен простер свою руку и над Иерусалимом, тем самым насылая бедствие и туда. Царь, облекшись в мешок, сидел на земле и слезно молил Господа Бога смилостивиться и прекратить горе, удовлетворившись массой уже погибшего народа. Когда же Давид случайно поднял глаза к небу и увидел, как по воздуху несся по направлению к Иерусалиму ангел с обнаженным мечом, он обратился к Всевышнему с указанием, что ведь он, Давид, как пастырь, один достоин наказания, тогда как ни в чем не повинную паству следовало бы пощадить; при этом он умолял Предвечного направить весь гнев на него и загубить весь род его, но иметь жалость к массе народной.

4. Господь Бог внял этой молитве и положил конец моровой язве. Вместе с тем Он через пророка Гада повелел Давиду немедленно отправиться на гумно иевусита Оронна[48], воздвигнуть там алтарь и принести жертву Всевышнему. По получении этого предписания, Давид не медлил ни единой минуты и тотчас поспешил в указанное место. Когда же Оронн, занятый в это время обмолачиванием хлеба, увидел, что к нему идет царь в сопровождении всех своих сыновей, он выбежал к нему навстречу и пал перед ним ниц. Оронн был по происхождению своему иевуситянин, что не мешало ему, однако, находиться в самых дружественных отношениях с Давидом, который в силу этого, как мы показали несколько выше[49], не причинил ему ни малейшего зла, когда овладевал городом. Когда же Оронн стал спрашивать Давида, что побудило его, владыку, прийти к рабу своему, царь ответил, что он явился для того, чтобы купить у него это гумно с целью воздвигнуть на нем алтарь в честь Господа Бога и принести на нем жертву. На это Оронн заметил, что он с удовольствием предоставляет Давиду для принесения жертвы всесожжения не только гумно свое, но также все свои земледельческие орудия и быков и только молит Господа Бога о том, чтобы Он милостиво принял эту жертву. Царь, однако, возразил, что, хотя он и тронут до глубины сердца благородством и великодушием такого подарка и благодарит за него, он тем не менее просит взять за все установленную цену, потому что было бы совершенно неуместно принести Всевышнему даром доставшуюся жертвователю жертву. Тогда Оронн сказал, что готов подчиниться царскому желанию, и Давид купил у него гумно за пятьдесят сиклов, воздвиг на нем алтарь и принес на нем по уставу жертвы всесожжения и примирительные, чем удовлетворился Предвечный и стал снова милостиво относиться к евреям. Между прочим, это было как раз то самое место, куда некогда Аврам привел своего сына Исака для принесения его в жертву и где в тот самый момент, когда он уж готовился заколоть сына, внезапно у жертвенника появился баран, которого, как мы уже рассказали, Аврам и принес в жертву вместо своего сына. Когда же царь Давид убедился, что Господь Бог милостиво внял его молитве и принял его жертву, то порешил назвать это место "всенародным алтарем" и построить здесь храм Господу Богу. Указанное имя он дал этому месту во внимание к будущему его назначению, потому что Господь Бог через пророка объявил Давиду, что храм будет тут воздвигнут тем его сыном, к которому после Давида перейдет царская власть[50].

Глава четырнадцатая

1. Ввиду этого предсказания царь велел подсчитать пришельцев (живших в стране), и их оказалось до ста восьмидесяти тысяч человек. Из них он назначил восемьдесят тысяч каменотесами, остальным он поручил доставку камня, а три тысячи пятьсот человек поставил надсмотрщиками над работами. Вместе с тем он принялся за заготовку массы железа и меди для предполагавшегося сооружения, а также за подвоз множества исполинских кедровых бревен, которые высылали ему жители [городов] Тира и Сидона, сообразно сделанному им заказу. Приближенным своим Давид объяснял цель всех этих приготовлений в том смысле, что желает будущему наследнику своему оставить готовый материал для постройки храма, дабы тому человеку, юному и в таких делах по возрасту своему еще не опытному, не приходилось собирать этот материал, но прямо приступить к делу, пользуясь заготовками.

2. Затем Давид призвал к себе своего сына Соломона и повелел ему, когда он примет от него царскую власть, обязательно воздвигнуть храм Господу Богу, причем указал на то, что сам он хотел было сделать это, но что Предвечный запретил ему это, так как он, Давид, запятнан множеством человеческой крови, пролитой в продолжение различных войн; вместе с тем, продолжал царь, Всевышний предсказал ему, что воздвигнет в честь Его храм самый разумный из его сыновей, носящий имя Соломон, что Он, Господь, будет заботиться о нем, как отец о сыне, и что дарует во время его правления стране евреев не только всяческие блага, но главнейшее из всех благ, именно мир и отсутствие внешних войн и внутренних неурядиц. "Поэтому-то,- сказал Давид,- ты - еще до рождения намеченный Господом Богом в цари - старайся во всех отношениях явиться достойным Его о тебе заботливости, будь благочестив, справедлив и тверд духом, свято соблюдай Его предписания и законы, которые Он дал нам при посредстве Моисея, и не позволяй другим нарушать их. Тот же храм, который Предвечный желает видеть оконченным во время твоего царствования, постарайся поскорее соорудить Господу Богу, и пусть не устрашат тебя и не удержат от этого предприятия ни грандиозность его, ни другие какие-нибудь затруднения; все нужное я заготовлю тебе до моей смерти. Знай, что уж теперь собрано десять тысяч талантов золота и сто тысяч талантов серебра; меди и железа я заготовил в еще гораздо большем количестве, а также огромную массу бревен и камня. В распоряжении твоём будет много десятков тысяч каменщиков и строителей. Если бы их, однако, все-таки оказалось недостаточно, ты можешь увеличить их число. Итак, когда ты окончишь это дело, ты станешь благоугоден Всевышнему и Он будет твоим заступником". После этого Давид обратился также к начальствующим в народе лицам с просьбой поддержать его сына в деле будущей постройки храма и без опасения каких бы то ни было бедствий старательно участвовать в богослужении, потому что взамен такого отношения к делу они будут пользоваться плодами прочного мира и благоустройства, которыми Господь Бог наградит людей благочестивых и праведных. По окончании постройки следовало, по приказанию Давида, и поместить в храм ковчег завета и священную утварь, которые давно уже должны были бы иметь свой храм, если бы предки не ослушались повелений Всевышнего, который приказал им воздвигнуть для Него святилище сейчас же после того, как они овладеют этой страной. Все это Давид сказал начальствующим лицам, равно как и своему собственному сыну.

3. Так как Давид достиг уже очень преклонных лет и тело его с течением времени потеряло свою теплоту, то он стал так сильно зябнуть, что оказалось невозможным согреть его даже множеством покрывал. Тогда врачи стали совещаться между собой и пришли к решению - выбрать наиболее красивую во всей стране девушку, которая согласилась бы спать с царем, согревая его своей теплотой и облегчая ему постоянно ощущаемый им холод. И вот в городе нашлась самая красивая женщина, по имени Ависака, которая, разделяя с царем ложе, одна только и была в состоянии согреть его; но от старости царь уже не имел возможности вступить с ней в половые отношения. Впрочем, подробнее мы поговорим об этой девушке несколько ниже[51].

4. Между тем четвертый сын Давида, красивый и статного роста юноша, рожденный царю его женой Эгифой и носивший имя Адония, будучи похож по характеру своему на Авессалома, сам стал домогаться царской власти и высказывал друзьям своим, что будет добиваться этого. Ввиду этого он завел множество колесниц и коней, а также пятьдесят скороходов. Несмотря на то что отец его видел все это, он, однако, нисколько о том не беспокоился, не удерживал его от его затеи и даже не подумал спросить, к чему Адония заводит все это. Между прочим, Адония успел склонить на свою сторону военачальника Иоава и первосвященника Авиафара, а противодействие ему оказывали лишь первосвященник Садок, пророк Нафан, начальник стражи телохранителей Ванея, друг Давида Семерис и все приближенные к царю храбрецы. И вот однажды Адония устроил вне города у ручья В царском парке

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
пиршество и пригласил на него всех своих братьев, за исключением Соломона; кроме того, он привлек к участию в этом пире также военачальника Иоава, Авиафара и старейшин колена Иудова, которые все и приняли приглашение, тогда как первосвященника Садрка, пророка Нафана, Ванею, начальника отряда телохранителей, и всех тех, кто противился его предприятую, он не позвал на это угощение. Между тем пророк Дафан известил мать Соломона, Вирсаву, что Адония держит себя как царь и что об этом Давид ничего не знает, причем посоветовал ей принять меры к ограждению безопасности своей и сына, а именно добиться тайного свидания с Давидом и объявить ему, что, несмотря на данное им клятвенное обещание сделать своим преемником Соломона, тем временем Адония уже успел захватить власть в свои руки. При этом пророк обещал, что, когда Вирсава будет говорить об этом с царем, сам явится к нему и подтвердит верность ее сообщения. Вирсава послушалась совета Нафана, отправилась к царю и, пав перед ним ниц и получив разрешение высказать свою просьбу, рассказала Давиду все, как тому обучил ее пророк, а именно сообщила об устроенном Адонией пиршестве, о том, кого он пригласил к себе, а также об участии в этом пире первосвященника Авиафара, военачальника Иоава и его сыновей, равно как о том, что Соломон и ближайшие друзья его не удостоились приглашения. Затем она стала указывать на то, что народ с нетерпением ждет, кого Давид назначит своим преемником, причем просила обратить внимание на то обстоятельство, что, если Адония после его смерти овладеет престолом, он наверное загубит как ее, так и ее сына Соломона.

5. Пока Вирсава еще беседовала с царем, придворная стража объявила, что пришел Нафан и просит разрешения повидать Давида. Когда по приказанию царя пророк был допущен, последний тотчас спросил его, не назначил ли он сегодня Адонию царем и не передал ли ему правления, потому что Адония устроил блестящее пиршество и пригласил на него всех его сыновей, кроме Соломона, а также [царского] военачальника Иоава, которые теперь с большим ликованием и шумной радостью пьют за здоровье Адонии и за процветание и долголетие его правления. "Ни меня, ни первосвященника Садока, ни Ванею, начальника отряда телохранителей, он, однако, не пригласил", - закончил свою речь пророк, причем указал на то, что, если все это делается с разрешения Давида, было бы уместным, чтобы все это знали.

При этих словах Нафана Давид велел позвать назад Вирсаву, которой он при появлении пророка приказал удалиться, и когда она пришла, то сказал: "Клянусь тебе всемогущим Господом Богом, что царем будет сын твой Соломон, как я поклялся уже раньше, и что он сядет на мой трон, и притом еще сегодня же". На это та поклонилась ему в ноги и пожелала ему еще много лет жизни. Затем Давид послал за первосвященником Садоком и за начальником отряда телохранителей Ванею, и когда они явились, велел им взять пророка Нафана и всех воинов, находившихся во дворце, посадить сына его Соломона на царского мула и повезти его за город к колодцу, носящему название Гиона[52], чтобы там помазать его священным елеем и тем провозгласить его царем. Последнее [миропомазание] должны были совершить первосвященник Садок и пророк Нафан, тогда как прочим он велел сопровождать Соломона по всему городу, трубить в рога и провозглашать многолетие взшедшему на престол царю Соломону, дабы знал весь народ, что сам отец объявил его царем. Соломону же Давид дал нужные наставления относительно образа правления и настойчиво рекомендовал ему подавать своим благочестием и справедливостью пример всему еврейскому народу, и особенно колону Иудову. Затем Ванея пожелал Соломону милостивой поддержки со стороны Всевышнего, и немного спустя все покинули дворец и посадили Соломона на мула. Потом они повезли его за город к названному источнику и, помазав юношу елеем, приехали с ним назад в Иерусалим с криками радости и пожеланиями многолетнего царствования. Когда же они привезли его в царский дворец, то посадили его на трон. Весь народ тотчас же стал бурно выражать свою радость и устроил блестящее празднество с плясками и музыкой на таком количестве инструментов, что от звуков их земля содрогалась и стон стоял в воздухе.

6. Когда же Адония и его гости услышали эти радостные клики, то очень смутились, а полководец Иоав заметил, что ему вовсе не нравятся все эти ликования и трубные звуки. Между тем был подан обед, но никто к нему уже и не думал прикасаться. И в то время как все сидели в полном замешательстве, внезапно вбежал Ионафан, сын первосвященника Авиафара. Адония всегда с удовольствием видел этого юношу и называл его предвестником добра. На этот раз, однако, он сообщил всем собравшимся о происшествии с Соломоном и царем Давидом. Тогда как Адония, так и все гости его повскакали из-за стола и бросились бежать, каждый к себе домой. Адония же, боясь гнева царя за все случившееся, обратился с мольбой о заступничестве к Господу Богу и с этой целью припал к жертвеннику и схватился руками за выдававшиеся по бокам концы его[53]. Соломону между тем было донесено об этом, равно как о том, что Адония умоляет его дать ему слово, что преступление его будет предано

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 7 filosoff.org
забвению и что он не подвергнется за него наказанию. Соломон весьма милостиво и разумно простил его на этот раз, но при этом велел ему напомнить, что, если он снова попадет в каких-нибудь интригах, ему придется пенять на самого себя. Затем он приказал ему подняться с земли и оставить это убежище. Когда же Адония пришел к Соломону и поклонился ему, последний отпустил его домой, уверив его в полной его безопасности и прося его впредь держать себя хорошо, ибо такое поведение послужит ему лишь на пользу.

7. Так как Давид намеревался перед всем народом провозгласить Соломона царем, то он с этой целью созвал в Иерусалим всех старейшин, священников и левитов. После того как он подсчитал их, он нашел среди них тридцать восемь тысяч человек от тридцатилетнего до пятидесятилетнего возраста. Из них он назначил двадцать четыре тысячи надзирателями за постройкой храма, шесть тысяч сделал народными судьями и их писцами, четыре тысячи привратниками дома Господня и стольких же певчими в храме, дабы играть на введенных Давидом инструментах, как мы уже выше упомянули. Затем он подразделил их на череды и, выделив священников, нашел, что между последними было двадцать четыре семьи, шестнадцать из дома Елеазара и восемь из дома Ифамара. После этого он постановил, чтобы каждая семья отправляла богослужение по очереди в продолжение восьми дней, от субботы до субботы.

Затем все отдельные череды, в присутствии Давида, первосвященников Садока и Авиафара и всех начальствующих лиц, стали метать жребий, и та чередка, чей жребий выпал первым, была записана первой, за ней вторая и так далее до двадцать четвертой. Такое подразделение сохранилось по сей день [54].

Равным образом Давид разделил и представителей колена Левина на двадцать четыре смены, которые также по вышеуказанному образцу метали между собой жребий и затем тоже, как и священники, должны были по восьми дней служить в храме. Потомкам же Моисея он предоставил особенно почетную должность, а именно назначил их хранителями храмовой казны и тех жертвенных подношений, которые были подносимы Господу Богу разными царями. Вместе с тем он сделал распоряжение, чтобы все левиты и священники, сообразно Моисееву постановлению, отправляли богослужение непрерывно днем и ночью.

8. После этого он разделил все войско на двенадцать отрядов под командой отдельных военачальников, сотников и десятников. Каждый отряд заключал в себе двадцать четыре тысячи человек и должен был вместе со своими тысячками и сотниками нести службу при Соломоне в продолжение целых тридцати дней, от первого до тридцатого. Кроме того, он назначил еще над каждым отрядом по хорошему, ему лично известному начальнику, а также определил, кому заведовать казной, кому быть старшиной в деревне, кому следить за полеводством и т. д. Однако мы не считаем нужным перечислять здесь все эти должности поименно.

9. Когда Давид устроил все это вышеуказанным образом, то созвал в народное собрание начальствующих над евреями лиц, старшин отдельных колен, предводителей отдельных подразделений народа и всех поставленных во главе какого-нибудь дела, взшел на возвышение и обратился ко всем собравшимся со следующими словами:

"Братья и соплеменники! Я желал бы сообщить вам, что я имел в виду воздвигнуть храм Господу Богу и что с этой целью я заготовил множество золота и сто тысяч талантов серебра. Однако Предвечный через пророка Нафана возбранил мне это, так как я запятнал руки свои ведением за вас войн и убиением врагов своих, причем повелел, чтобы сын мой, который будет моим преемником на престоле, построил Ему этот храм. Так как вам, конечно, известно, что из двенадцати сыновей предка нашего Иакова один Иуда был назначен царем и что из шести братьев моих именно я был избран Господом Богом в цари и получил от Него власть без того, чтобы кто-нибудь из братьев моих выразил по этому поводу неудовольствие, то я теперь также прошу сыновей своих не ссориться между собою из-за того, что царская власть досталась Соломону, но всегда помнить, что сам Всевышний избрал его для этого, почему и признавать его своим государем. Вполне естественно признавать, если того пожелает Господь Бог, даже чужеземца правителем; поэтому приходится лишь радоваться, если такая честь выпадет на долю родного брата, потому что в таком случае почет, которым он пользуется, становится отчасти и нашим собственным. Я со своей стороны молю Господа Бога лишь о том, чтобы обещания Его действительно оправдались и чтобы Он ниспослал обещанное нам в царствование Соломона, по всей стране и на вечное время. Обещания же эти будут исполнены с лихвою, если ты, сын мой, явишь себя государем благочестивым и справедливым и охранителем древних законов; если же этого не будет и ты нарушишь данные предписания, то знай, что тебя ждет одно лишь горе".

10. Такими словами царь закончил речь свою. Затем он на глазах у всех передал Соломону подробный план будущего храма с обозначением размеров

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 7 filosoff.org
фундамента, стен и крыши по объему, высоте и ширине, с подробным указанием веса отдельных золотых и серебряных принадлежностей. Вместе с тем он обратился к Соломону с увещанием отдаться всем сердцем приведению в исполнение этого предприятия, начальствующих же лиц и колена Левине он просил оказать возможную поддержку его сыну, который, хотя еще и молод, тем не менее избран самим Всевышним в строители храма и в представители власти. Тут же он не преминул напомнить им, что вся эта постройка не представит для них лично особенных затруднений и не потребует от них каких-либо чрезвычайных жертв, потому что он сам уже успел позаботиться о заготовке значительного количества талантов золота, а еще больше серебра и дерева, равно как о назначении строителей и каменотесов и о подборе изумруда и всякого рода драгоценных камней. Кроме того, заявил Давид, он теперь назначает еще три тысячи талантов червонного золота из собственных своих средств для украшения Святой Святынь, а также для сооружения колесницы Господней и херувимов, которые должны быть помещены на кивоте завета, дабы осенять его своими крыльями.

После того как Давид умолк, начальствующие лица, священники и представители колена Левина с большою готовностью стали жертвовать тут же на храм и обещать блестящие и ценные на него приношения. Так, например, они выразили готовность представить пять тысяч талантов и десять тысяч статиров[55] золота, десять тысяч талантов серебра и множество десятков тысяч талантов железа. У кого имелся какой-либо драгоценный камень, тот отдавал его в казнохранилище, которым заведовал потомок Моисея, Иал.

11. При виде такого необычного рвения старейшин, священнослужителей и всех прочих Давид и весь народ с ним очень обрадовались и царь начал громким голосом восхвалять Господа Бога, называя Его отцом и создателем всего существующего, устройтелем всего человеческого и божественного, которым возвеличивается Он сам, и родителем и властелином еврейского племени, о благополучии которого Он заботится, ради чего и сделал его царем над ним. Пожелав затем всему народу всяких благ, а сыну своему Соломону здравомыслия, справедливости и украшенного всяческими добродетелями сердца, Давид предложил собравшейся массе народной восхвалить Господа Бога. Тогда все присутствующие пали ниц, помолились Предвечному и выразили свою признательность Давиду за все те блага, которыми они наслаждались во время его царствования. На следующий же день они принесли Господу Богу в жертву всесожжения тысячу телок и столько же баранов и овец. Равным образом они принесли и очистительные жертвы и с этой целью заклали много десятков тысяч жертвенных животных. В продолжение целого дня царь принимал участие в народном празднестве. Соломон вторично был помазан елеем и провозглашен царем. Садок же объявлен первосвященником всего народа. При этом Соломона повели в царский дворец и посадили на отцовский престол и с этого дня оказывали ему повиновение, как правителю[56].

Глава пятнадцатая

1. Спустя некоторое время Давид от старости впал в болезнь; видя, что приходится умирать, он призвал к себе сына своего Соломона и обратился к нему со следующим увещанием: "Я, сын мой, собираюсь теперь отойти к своим предкам, и мне приходится пуститься в общий всем нам как ныне, так и в будущем путь, с которого еще никогда никто не возвращался, чтобы узнать, что делается тут среди живых. Поэтому, пока я жив, но уже столь близок к смерти, я еще раз напомним тебе о том, что я тебе советовал неоднократно и раньше, а именно: чтобы ты был справедлив к своим подданным, благочестив по отношению к даровавшему тебе царскую власть Господу Богу, чтобы ты соблюдал Его постановления и законы, которые Он ниспослал нам при посредстве Моисея, и чтобы ты ни в силу угодливости кому-нибудь, ни вследствие лести или старости или какого-нибудь другого побуждения не вздумал отвращаться от этих законов. Если ты нарушишь законы, то ты отворишь от себя милостивое благоволение Всевышнего и навсегда лишишься Его доброжелательной поддержки. Если же будешь держать себя так, как должно и как я прошу тебя, то ты сохранишь за родом нашим царскую власть и не будет среди евреев другой династии, кроме нашей, которая будет править во веки веков. Помни также о беззаконии, совершенном военачальником Иоавом, который из зависти умертвил двух почтенных и хороших полководцев, Авеннира, сына Нира, и Амессу, сына Иефера. Можешь наказать его за смерть этих мужей, как тебе самому заблагорассудится, потому что Иоав, будучи сильнее и могущественнее меня, до сих пор сумел избежать этого наказания. Вместе с тем поручаю тебе детей галаадца Верзелея; оказывай им, в угоду мне, всякий почет и заботься о них, потому что этим мы не окажем им лишнего благодеяния, но только воздадим им должное за поддержку, которую их отец оказал мне во время моего собственного изгнания. Для наказания же Гиры, сына Семея из колена Веняминова, найди теперь подходящий предлог, потому что он сильно поносил

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
меня во время моего бегства; затем же, когда я направился к Маханаиму, он выступил мне навстречу близ Иордана и вынудил у меня слово, что тогда он не подвергнется наказанию".

2. Дав своему сыну эти наставления относительно управления, поручив его вниманию друзей своих и указав на тех лиц, которые заслужили наказание, Давид умер на семидесятом году своей жизни, быв царем в Хевроне над коленом Иудовым в продолжение семи лет и шести месяцев и процарствовав в Иерусалиме над всю страну тридцать три года.

Это был человек в высшей степени достойный, обладавший всеми качествами, необходимыми царю, в руках которого лежит благополучие стольких народностей. Будучи храбр, как никто другой, Давид в сражениях за независимость своих подданных всегда первый шел навстречу всяким опасностям и личным примером в строю побуждал солдат своих к перенесению всех тягостей боя, а не одними только приказами, как обыкновенно делают государи. При этом он обладал большою проницательностью и дальновидностью относительно будущего и отлично умел распоряжаться в каждый отдельный момент. Он отличался скромностью, мягкостью, отзывчивостью на нужды несчастных, справедливостью и человеколюбием, т. е. такими качествами, которыми именно и надлежит отличаться царям. При этом он никогда не злоупотреблял своею столь обширною властью, исключая случай с женою Урии. Вместе с тем он оставил после себя такие богатства, каких не оставлял ни один царь не только еврейский, но и никакого другого народа.

3. Сын Давида, Соломон, блестящим образом похоронил отца в Иерусалиме и не только устроил ему обычные царские похороны со всею подобающе торжественностью, но и опустил в могилу несметное количество драгоценностей, об обилии которых можно себе составить некоторое представление по следующему: когда тысячу триста лет спустя первосвященник Гиркан[57], подвергаясь осаде со стороны Димитрия, Антиоха, прозванного благочестивым, хотел откупиться от осады деньгами и нигде не мог найти требуемой суммы, то он открыл часть склепа Давида и вынул оттуда три тысячи талантов, которые и вручил Антиоху, чем освободился от осады, как мы уже рассказывали в другом месте[58]. По происшествии опять-таки многих лет царь Ирод в свою очередь вскрыл гробницу Давида и также извлек из нее массу денег. Впрочем, ни Гиркан, ни Ирод не добрались до самих гробов царей, так как эти гробы были так искусно зарыты в землю, что при входе в мавзолей нельзя было догадаться, где они находятся. Однако пока об этом довольно[59].

[ОГЛАВЛЕНИЕ] | [Иосиф Флавий] | [Библиотека «Вехи»]
© 2002, Библиотека «Вехи»

[1] имеется в виду последняя битва царя Саула с филистимлянами, окончившаяся поражением израильтян и смертью их первого царя. (Перев.)

[2] Ср.: 2 Цар. 1:1-27. (Перев.)

[3] Это испорченное транскрипцией библейское слово "маханаим" - "лагерь", "стан". (Перев.)

[4] В Библии - Авесса.

[5] В Библии (2 Цар. 2:24) этот холм именуется Амма - дословно "холм потока". (Перев.)

[6] В Библии - Иевосфей.

[7] Ср.: 2 Цар. 2 и 3.

[8] Хилиарх - начальник тысячи, тысяцкий.

[9] Ср.: 2 Цар. 4:1-12; 5:1-3; 1 Пар. 11:1-13.

[10] Хирам (Ахирам) - царь Тиро-Сидонского царства (969- 936 гг. до н. э.).

[11] В письменных источниках под своим именем Иерусалим впервые зафиксирован в письме правителя города Абди-Хибы египетскому фараону Эханатону (XIV в. до н. э.).

[12] Ср.: 2 Цар. 5:4-11; 1 Пар.11:4-9; 2 Цар. 24:16-23; 5:11-16.

[13] См. ниже VII, 12, 4, где сказано, что эта долина тянется от Иерусалима до Вифлеема на расстоянии 20 стадий. (Перев.)

[14] Газар - город в Самарии; развалины его были найдены в 1873 г. между Эль-Кулабом и Екроном (Акиром) у Телль-эль-Джезер.

[15] Город к югу от Хеврона.

[16] Ср.: 2 Цар. 5:17-25; 6; 7:1-29; 1 Пар. 13:1-14; 15:1-29; 17:1-27.

[17] По данным Страбона (XII, 3), это провинция великой Армении между хребтами Антиливаном и Малием. (Перев.)

[18] Николай Дамасский

[19] На дворе Соломонова храма стоял этот огромный бронзовый сосуд в 5 локтей высотой и 30 локтей в окружности. (Перев.)

[20] Это библейский лодевар (иодобар) (2 Цар. 9:4; 17:27) - местечко в Галааде недалеко от Иордана, вблизи Филадельфии.

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org

- [21] В Библии - Мемфивосфей.
- [22] Из Второй книги Царств (9) видно, что этот Сива и был вышеупомянутым вольноотпущенником Саула. (Перев.)
- [23] Ср.: 2 Цар. 8 и 9:13; 1 Пар. 18:1-17.
- [24] Вероятно, это тот царь, которого разбил Саул, см. выше, VI, 5,1.
- [25] Город на границе с Аравией на северо-восток от Красного моря, современный Рамман.
- [26] Ср.: 2 Цар. 10; 1 Пар. 19:1-19.
- [27] Иосиф Флавий отошел от библейского текста (2 Цар. 11:14), добавив, что в письме Иоаву было сообщено, что Урия провинился и, следовательно, заслужил наказания.
- [28] Околобиблейские предания подробно останавливаются на этом грехопадении Давида, рассказывая, что Давид так был уверен в своей преданности Богу что сам просил испытать его. Тогда к Давиду явился дьявол в виде золотистого голубя или под видом газели. Царь выстрелил в дичь из лука, и она побежала или полетела туда, где купалась Вирсавия. Пленный красотой ее, Давид потерял голову и дал увлечь себя дьяволу Это предание сохранилось и у арабских писателей Табари, Ибн-Асира и Аль-Кисаи, из которых первые два передают также любопытные подробности о покаянии Давида и о суде над ним после смерти. (Перев.)
- [29] Ср.: 2 Цар. 11 и 12
- [30] Это библейский Гессур (Втор. 3:14; Нав. 12:5; 13:13), небольшая область в Сирии, сохранившая во времена Давида полную независимость. (Перев.)
- [31] Ср.: 2 Цар. 13 и 14.
- [32] Ср.: 2 Цар. 15:31 и след.
- [33] К северо-востоку от Иерусалима, на дороге между Масляничной горой и Иорданом.
- [34] Гелмон, библейский Гило (Нав. 15:51) -город в Палестине, вероятно, на месте современного Бет-Диала.
- [35] Это библейское "маханаим" -"стан", "лагерь" в Галааде, о котором уже упоминалось выше. (Перев.)
- [36] Ср.: 2 Цар. 15,16 и 17.
- [37] Здесь у Иосифа Флавия вкралась ошибка. Выше, VII, 3,3 и 8:1, Фамара (библейское Фамарь) является дочерью Давида, здесь же Иосиф Флавий называет ее дочерью Авессалома. (Перев.)
- [38] Ср.: 2 Цар. 18:1-19:9.
- [39] Гаваон - жреческий город в колене Вениаминовом, современный Эль-Дшиб.
- [40] ниже (XII, 10,4) эта местность носит имя Авелланы, города в Северной Палестине, современный Абель-эль-Камх.
- [41] Ср. 2 Цар. 19:9-20:26.
- [42] Ср.: Нав. 9:19; 10:41; 11:9.
- [43] Газарь (или Газара, Газар). См. прим. 15 к этой книге.
- [44] кифара - вид цитры, набла - арфа.
- [45] Как было видно выше, это место, известное из сюжета о Самсоне, под названием "Ослиная челюсть".
- [46] Ср.: 2 Цар. 21-23 и 1 Пар. 11:11-46.
- [47] Об этом в соответствующих местах Библии (2 Цар. 24:1 и 1 Пар. 21:1) не упоминается.
- [48] В Библии - Орна.
- [49] Ср. выше, VII, 3,3.
- [50] Ср.: 2 Цар. 24:1-25 и 1 Пар. 21:1-30.
- [51] См. ниже, VIII, 1,2.
- [52] Др.-евр. "Гихон" (ключ, источник) - это источник, ныне именуемый "Источник Девы Марии". (Перев.)
- [53] Многие народы древности знают о праве убежища, которое даровалось прикосновением к алтарю божества. В Библии об этом упоминается в кн. Исход (21:14), причем единственным лишающим этого права преступлением определено умышленное убийство. (Перев.)
- [54] Ср.: лк. 1:8 и след.
- [55] Статир, упоминаемый также в Евангелии от Матфея (17:27), первоначально был введен Александром Македонским и сначала соответствовал двум, потом - четырем аттическим драхмам.
- [56] В основу рассказанного в этой главе положены Третья книга Царств (1:1-53) и Первая книга Паралипоменон (20:1-19; 23:2- 24,31; 27-29:24).
- [57] Иоханан Гиркан, ставший первосвященником после смерти его отца Симона в 135 г. до н. э. См.: "Иуд. война". I. 2.3.
- [58] Ср.: "Иуд. война". 1, 2,5 и ниже, XIII, 8, 4.
- [59] Ср.: 3 Цар. 2:1-11 и 1 Пар. 29:26-28.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

Иосиф Флавий Иудейские древности. книга 7 filosoff.org
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!